Правительство Санкт-Петербурга
Комитет по молодежной политике и взаимодействию
с общественными организациями
Санкт-Петербургское государственное бюджетное
учреждение «Городской центр социальных программ
и профилактики асоциальных явлений среди молодежи
«КОНТАКТ»

СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ:

ТЕХНОЛОГИИ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛЬНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ

Методическое пособие
для специалистов сферы молодежной политики

Санкт-Петербург
2026

УДК316.6
ББК19
И27

Современный молодежный экстремизм: технологии раннего выявления и противодействия радикальным тенденциям. Методическое пособие для специалистов сферы молодежной политики / Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». – Нижний Новгород : ООО «Союзкниг», 2026. – 80 с.

Материалы подготовлены:
Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ».

Авторы:
Варганова В.В., Костюковский Я.В., канд. социол. наук, Купрякова В.С., Лебедева Е.С., Пиликин В.В., Фёдоров А.А., Шилова В. А., Штерн А. Г.

Редакционная коллегия:
Костюковский Я.В., канд. социол. наук, Шилова В. А., Штерн А. Г., Ядринцева В. Г.

Рецензент:
Борисов В.А., Глава муниципального образования муниципальный округ №7 Санкт-Петербурга, канд. полит. наук, заслуженный учитель Российской Федерации.

Методическое пособие посвящено вопросам профилактики радикализации молодежи и противодействия вовлечению молодых людей в экстремистские сообщества. Оно призвано помочь специалистам сферы молодежной политики систематизировать знания о факторах риска и механизмах радикализации, а также освоить современные подходы и инструменты раннего выявления, профилактики и сопровождения подростков и молодежи в условиях офлайн- и цифровой среды.

ISBN 978-5-6056458-2-5
При перепечатке материалов ссылка обязательна.
© Варганова В.В., Костюковский Я.В., Купрякова В.С., Лебедева Е.С., Пиликин В.В., Фёдоров А.А., Шилова В. А., Штерн А.Г.
© СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ», 2026
© Оформление СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ 4

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЯ И ГРАНИЦЫ 5
АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ 6

ДИАГНОСТИКА И РАННЕЕ ВЫЯВЛЕНИЕ 11

МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РАННЕЙ ДИАГНОСТИКИ 12
МАРКЕРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ: СИСТЕМА РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ 13
МАРКЕРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ В РЕАЛЬНОЙ И ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ 15
ДИАГНОСТИКА ПРОЯВЛЕНИЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ В СЕТИ 21
ОЦЕНКА ВЫРАЖЕННОСТИ РАДИКАЛИЗАЦИИ 22
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ РИСКОВ 26

ПСИХОЛОГИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ 28

«ПОРТРЕТ» ПОДРОСТКА ГРУППЫ РИСКА 28
ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК УЯЗВИМОСТИ 30
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ: ОТ КОНТАКТА К ПОДЧИНЕНИЮ 32
ОФЛАЙН- И ОНЛАЙН-СРЕДА КАК ПОСРЕДНИК РАДИКАЛИЗАЦИИ 34

ПРОФИЛАКТИКА РАДИКАЛИЗАЦИИ 36

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ 37
СРЕДОВАЯ МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ 41
БАЛАНС НЕГАТИВНОЙ И ПОЗИТИВНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ 42

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОФИЛАКТИКИ РАДИКАЛИЗАЦИИ 46

VR-ТЕХНОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ 47
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ 48
КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ЦИФРОВАЯ ГИГИЕНА 51
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ 53
ТЕХНОЛОГИИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ КАК СИСТЕМА 55
ТЕХНОЛОГИИ ЦЕНТРА «КОНТАКТ» 56

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 58

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ 59

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 61

КРАТКИЙ НАВИГАТОР ПОНЯТИЙ 64

ПРИЛОЖЕНИЯ 66

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. МОНИТОРИНГ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОЙ СТРАНИЦЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ) 66
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. РАСШИРЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ СИМВОЛИКИ И МАРКЕРОВ 69

ВВЕДЕНИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Экстремизм в контексте современных глобальных процессов, включая специальную военную операцию (СВО), приобретает новые черты и масштабы. В 2024 году утверждена обновленная «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации», в которой уточняются понятие экстремизма и акценты государственной политики с учетом новых вызовов и угроз. Начиная с 2022 года, на фоне изменения общественно-политической повестки и цифровой среды, трансформировались условия и предпосылки радикализации, а также методы вовлечения молодежи в деструктивную деятельность. Наконец, экстремизм «помолодел»: к сожалению, сегодня большинство преступлений такой направленности совершается молодежью и, что самое страшное – ее наиболее юными представителями. Такая тенденция привела к снижению возраста юридической ответственности по некоторым преступлениям с 16 до 14 лет (№ 420-ФЗ от 17.11.2025). В практике следственных органов фиксируются случаи участия в таких деяниях подростков младшего возраста, а официальные списки лиц, причастных к террористической активности, все чаще включают молодых людей (В список..., 2026; Перечень организаций..., 2026).

Сложившаяся ситуация требует организации опережающих действий в области профилактики асоциального поведения, повышения квалификации работников системы профилактики в области противодействия экстремизму, путем освоения новых знаний, формирования новых компетенций, позволяющие сформировать новые качества специалиста.

Данное методическое пособие призвано решить эту задачу. В пособии освещаются актуальные тенденции в сфере молодежного экстремизма, анализируются факторы, влияющие на его формирование, и раскрываются механизмы радикализации подростков и молодых людей. С помощью пособия вы также узнаете о способах диагностики склонности к такому поведению, о подходах к распознаванию рисков и системе маркеров радикализации в офлайн- и онлайн-пространстве, а самое главное – о том, как применить эффективные технологии работы с молодежью в этом направлении.

Пусть представленные материалы станут для вас полезным инструментом и поддержкой в непростой, но важной работе по профилактике радикализации молодежи.

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЯ И ГРАНИЦЫ

Вовлеченность молодежи[1] в экстремистскую деятельность представляет собой тревожную социальную проблему. Для начала определим, что подразумевается под «молодежным экстремизмом».

Понятие экстремизма происходит от латинского слова «extremus» (в переводе «крайний, последний») и означает приверженность к использованию крайних средств решения проблем и достижения поставленных целей (Афанасьева, 2007).

Единого определения понятия «молодежный экстремизм» в науке на настоящий момент нет. Актуально определение экстремизма в молодежной среде как «**индивидуального и социально-группового проявления крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношениях средств и способов жизнедеятельности молодежи как особой социальной группы и специфической категории населения**».

В то же время, благодаря нормативно-правовым актам, регулирующим сферу противодействия экстремизму, мы знаем о том, что такое экстремизм (№ 114-ФЗ от 25.07.2002) и что является проявлениями экстремизма и экстремистской идеологией (Указ Президента РФ № 1124 от 28.12.2024).

Несмотря на кажущееся противоречие в терминологии (есть «молодежный» экстремизм, но нет «взрослого»), понятие молодежного экстремизма используется, когда речь идет **о положительном восприятии экстремистской идеологии и проявлениях экстремизма среди лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно.**

Ключевыми понятиями для предупреждения проявлений экстремизма являются радикализм и радикализация.

Радикализм (от лат. radix – «корень») – это бескомпромиссная приверженность идеологии насилия, которая характеризуется стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации.

[1] Согласно Федеральному закону от 30.12.20 № 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" мы будем говорить о молодежи как о социально-демографической группе лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (№ 489-ФЗ от 30.12.2020)

Радикализм рассматривается как предпосылка к формированию экстремистских проявлений со стороны молодежи. Он представляет собой качество идейно-политической конструкции, предполагающее игнорирование альтернативных путей развития и эволюционного пути решения проблем общества. Все сводится к принятию точки зрения о допустимости использования насилия для достижения целей. Однако, в профилактической работе более важным становится вопрос не о финальной стадии этого пути, а о его истоках – то есть, процессе радикализации.

Радикализация – это процесс формирования насильственных и экстремистских установок, а также обострения политических взглядов и поведения, характеризующихся бескомпромиссностью.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В современных проявлениях экстремизма среди молодежи имеют место следующие тенденции:

1. **Использование методов социальной инженерии, мошенничества и манипулятивных технологий.**

Мошенники, используя методы социальной инженерии и психологического давления, вовлекают детей и подростков в ситуации, кажущиеся им безобидными или, наоборот, безвыходными. Далее злоумышленники используют молодых людей как инструменты осуществления экстремистских преступлений. Так молодежь становится исполнителем, «руками» преступников.

2. **Рост нападений на образовательные учреждения по различным мотивам, смешение подражания случаям массшутинга и скулшутинга.**

В 2025 году в России зарегистрировано 10 нападений на школы, в 2026 г. 18 вооруженных атак на образовательные учреждения (Названо число..., 2026). Традиционно случаи вооруженных атак на школы принято назвать «скулшутингом» [2], хотя в литературе разделяют «массшутинг», «скулшутинг» и «нападения на школы», которые в реальных проявлениях

[2] Международное молодежное движение «Колумбайн» (частный случай «скулшутинга») признано террористическим (Верховный Суд Российской Федерации, от 02.02.2022 № АКПИ21-1059С), вступило в силу 11.03.2022.

пересекаются и приобретают новые черты. Причем все более явно в них просматривается мизантропия[3] как таковая.

3. **Популяризация нацистских/неонацистских идей, в том числе проукраинской направленности.**

Это не новая, но стабильно актуальная в своей нише тенденция. Идеи классического нацизма (гитлеризма) продолжают жить. Однако сегодня на фоне СВО появляются новые акценты, в том числе русофобского содержания.

4. **Смешение различных экстремистских идей.**

Среди сообществ экстремистской направленности и некоторых преступников замечены факты мотивации на основе нескольких радикальных идей одновременно. Важно также отметить общую тенденцию для молодежи: непонимание реальных последствий при совершении действий (в том числе в онлайн-пространстве). В этом ключе очень важно формирование правосознания на ранних этапах развития личности.

На возникновение и динамику экстремизма влияет комплекс взаимосвязанных факторов.

Современные исследования позволяют выделить 4 основные группы факторов риска, которые усиливают друг друга и создают благоприятную почву для радикализации: информационно-цифровые, социально-политические, семейно-средовые и индивидуально-личностные.

Информационно-цифровые факторы:

Цифровизация коммуникаций радикально изменила механизмы вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность. К этой группе относятся:

– **кризис «лайков» и цифрового самоутверждения.**

Стремление получить признание в сети любой ценой толкает подростков и молодых людей совершать радикальные действия ради «хайпа», одобрения в интернет-сообществах. Социальное признание переместилось в онлайн, и этот механизм работает на создание деструктивного и противоправного контента. Чтобы выделиться в ленте соцсети, обычного контента недостаточно – требуется шокирующий, агрессивный или асоциальный материал.

– **«информационные пузыри» и рекомендательные алгоритмы.**

[3] Устойчивая нелюбовь, недоверие и презрение к людям и человечеству в целом.

Алгоритмы соцсетей предлагают пользователю контент, похожий на тот, что он уже смотрел. Так подросток, случайно натолкнувшийся на деструктивное видео, со временем может оказаться в «информационном пузыре» и подвергнуться влиянию террористической или экстремистской идеологии. Общение подростков (и части молодежи) чаще всего происходит в закрытых чатах в мессенджерах, где может формироваться специфическое пространство («эхо-камеры»), в котором преобладают радикальные взгляды, а иные мнения практически не учитываются.

– **использование нейросетей и ИИ-агентов как инструментов вербовки и продвижения экстремистских и террористических идей**.

Технологии позволяют автоматизировать и масштабировать радикализацию, делая ее персональной и трудноуловимой для модерации. Искусственный интеллект может использоваться для анализа цифрового следа пользователей (посты, лайки, комментарии) и автоматического отбора наиболее уязвимых претендентов для вербовки (тех, кто переживает депрессию, одиночество или социальную несправедливость).

– **низкий уровень цифровой и правовой грамотности.**

Слабая осведомленность и неспособность распознавать угрозы, делает подростков и молодых людей легкой мишенью для экстремистской пропаганды – это становится «фундаментом», на котором вербовщики строят манипуляции. Если подросток не знает своих прав и не умеет фильтровать информацию, он становится объектом целенаправленного радикализирующего воздействия. Иллюзия анонимности в цифровом пространстве создает ложное чувство безопасности в мессенджерах и снижает барьер вовлечения в распространение деструктивного контента, вступления в закрытые группы и коммуникации с неизвестными лицами.

– **дефицит реального общения при погружении в интернет-среду.**

Этот дефицит постепенно может привести к вытеснению живых социальных связей, что создает условия для воздействия деструктивных сетевых сообществ на сознание подростков. Под влиянием социальных, политических и экономических факторов, в молодежной среде (наиболее подверженной деструктивному влиянию) легко формируются радикальные взгляды и убеждения, не основанные на аналитически воспринятых знаниях. При этом экстремистские организации активно используют цифровые платформы для распространения своей идеологии и вербовки новых членов, маскируя свой контент под развлекательные или образовательные материалы.

В этой логике алгоритмы вовлечения молодежи в деструктивные сообщества через социальные сети становятся все более изобретательными, а мониторинг онлайн-активности подростков – неотъемлемой частью профилактической работы.

Социально-политические факторы:

Внешние общественно-политические процессы также формируют контекст, который может быть использован с целью радикализации молодежи:

– **Специальная военная операция, мировые политические процессы и внешнее влияние.**

Это создает новые точки напряжения и обостряет старые социальные конфликты. Помимо этого, недружественными сторонами активно ведется информационная война и используются все ресурсы для дестабилизации ситуации и вовлечения молодежи в экстремистские действия.

– **межнациональная и межконфессиональная напряженность.**

Обострение противоречий между этническими и религиозными группами нарушает взаимоотношения в обществе. Активно продвигается русофобия, разжигается ненависть по национальному и конфессиональному признаку, что создает благоприятную почву для радикализации.

– **социальная неустроенность и неравенство.**

На фоне социальной неустроенности возрастает количество неблагополучных семей и число безнадзорных детей, которые нередко обделены родительским вниманием и озлоблены равнодушием общества, в связи с чем пополняют ряды экстремистских группировок. Так, экономические трудности, ограниченные возможности социальных лифтов, разрыв между ожиданиями и реальностью порождают чувство несправедливости и обиды, которые вербовщики эксплуатируют в своих целях.

Семейно-средовые факторы:

Сразу отметим, что семья, в принципе, не является источником деструктивного девиантного поведения как институт, но семейное неблагополучие является одним из наиболее значимых факторов риска. К нему относятся:

– **отсутствие эмоциональной близости между родителями и детьми,**

– **недостаток родительского контроля и внимания,**

– **наличие внутрисемейных конфликтов,**

– **примеры агрессивного или асоциального поведения со стороны взрослых.**

Подростки из семей со сложными или нарушенными отношениями особенно уязвимы для вербовщиков, которые

предлагают им иллюзию принадлежности к значимой группе и ощущение собственной важности.

Когда в ближайшем окружении нет значимых взрослых, демонстрирующих конструктивные способы самореализации, подросток ищет альтернативные источники идентификации, которыми могут стать радикальные лидеры.

Индивидуально-личностные факторы:

Психологические особенности личности определяют уязвимость молодежи к экстремистскому влиянию. Исследования показывают, что подростки с низкой самооценкой и нехваткой социального признания в большей степени склонны к экстремизму.

Среди ключевых психологических предикторов формирования экстремистских установок выделяются:

- **повышенная личностная тревожность,**
- **средний или ниже среднего уровни развития идентичности (устойчивости «Я-концепции» и своего образа),**
- **принятие агрессии как способа достижения целей,**
- **восприятие окружающего мира как угрожающего,**
- **конформность и внушаемость,**
- **неадаптивные способы выражения недовольства** (Полушина, 2025).

Данная группа факторов обусловлена также и возрастными особенностями групп молодежи, их потребностями и ценностными ориентациями. Подробнее рассмотрим их в соответствующем разделе ниже.

Важно понимать, что эти факторы не действуют изолированно.

Радикализация – это кумулятивный процесс, где накопление нескольких факторов риска экспоненциально повышает вероятность вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность.

Подросток из неблагополучной семьи с низкой самооценкой и слабыми навыками социализации и критического мышления, проводящий основное время досуга в Интернете на фоне социальной напряженности, может находиться в зоне максимального риска.

ДИАГНОСТИКА И РАННЕЕ ВЫЯВЛЕНИЕ

Проблема вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность экстремистского характера является одной из наиболее острых и актуальных угроз национальной безопасности и стабильности современного российского общества. Подростки и молодежь, в силу возрастных психологических особенностей, неустойчивости и незрелости психики, представляют собой наиболее уязвимую категорию для воздействия деструктивной идеологии. В условиях роста социальной напряженности и, происходящей параллельно, цифровизации коммуникаций, своевременная диагностика склонностей к агрессивному и экстремистскому поведению становится ключевым элементом профилактики деструктивных явлений (Коленченко, 2025).

Проявления экстремизма в молодежной среде отличаются от подобных среди взрослых стихийностью и зачастую отсутствием глубокой идеологической основы, но при этом они могут быть более опасны: экстремистски настроенные молодые люди нередко более жестоки, в силу своего возраста не боятся физических травм, смерти или тюремного заключения (Овчаренко, Морозова, 2025). Согласно данным МВД России, в списке экстремистов и террористов в РФ числится более 210 подростков (с 1 сентября 2025 года введена ответственность за поиск экстремистских материалов) (МВД определило..., 2025). Эти цифры подчеркивают необходимость выявления рисков на самых ранних стадиях, когда профилактическое вмешательство еще может быть эффективным.

Для построения эффективной системы ранней диагностики необходимо прежде всего учитывать комплекс факторов, повышающих вероятность вовлечения подростка в экстремистскую деятельность, рассмотренных ранее. Эти факторы тесно взаимосвязаны и усиливают друг друга, создавая кумулятивный эффект.

Поэтому своевременная диагностика экстремистского поведения невозможна без четкого понимания маркеров – наблюдаемых признаков, указывающих на повышенный риск вовлечения подростка в деструктивную деятельность – и владения методами их выявления.

МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РАННЕЙ ДИАГНОСТИКИ

Современная практика ранней диагностики экстремистского поведения опирается на комплексный подход, интегрирующий методы социологического исследования, сочетающего в себе: психологическую диагностику, педагогическое наблюдение и мониторинг цифровой активности.

Психологическая диагностика. В отечественной психологии выделяются три основных подхода к изучению молодежного экстремизма, на основе которых разработаны специализированные диагностические инструменты. В частности, используется методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов), которая содержит 11 шкал, отражающих диспозиции радикального поведения, и позволяет определить тенденцию и группу риска по склонности к экстремизму (Давыдов, Хломов, 2017). Также применяются опросник суицидального риска, опросник «Виды одиночества», экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Профилактика экстремизма..., 2018).

Важным направлением является социально-психологическое тестирование обучающихся, которое проводится в образовательных организациях с целью раннего выявления склонности к деструктивному поведению. В рамках такого тестирования оцениваются личностные особенности, социальные установки и ценностные ориентации подростков, что позволяет формировать группы риска для последующей адресной профилактической работы.

Педагогическое наблюдение и чек-листы. В практической работе педагогов и психологов широко используются чек-листы для наблюдения и мониторинга детей и молодежи, склонных к агрессии и положительному восприятию идей экстремизма. Эти инструменты выполняют профилактическую, социальную и диагностическую задачи, направленные на снижение вероятности девиантного поведения. Чек-листы включают в себя структурированные перечни маркеров по различным категориям: кросскультурные, личностно-типологические, поведенческие, социально-средовые, аффективно-эмоциональные, коммуникативно-конфликтологические, воспитательные и медико-биологические факторы (Овчаренко, Морозова, 2025).

Инновационные методы диагностики. Перспективным направлением является использование технологий виртуальной реальности (VR) для изучения восприятия молодежью собственных ценностей, а также применение психологического профайлинга в оценке склонности к экстремистским

убеждениям. Эти методы позволяют моделировать различные социальные ситуации и оценивать реакции подростков в условиях, приближенных к реальным, что повышает достоверность диагностики.

Теоретические модели оценки риска радикализации. В научной среде активно разрабатываются модели оценки риска радикализации, основанные на психологических теориях. В частности, в рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга сформулирована модель оценки риска радикализации, которая связывает степень выраженности социальной идентичности у подростков с восприятием сплоченности значимых и желательных групп. Исследования показывают, что степень социальной идентичности влияет на восприятие сплоченности значимых и желательных групп, что может служить предиктором вовлечения в экстремистские сообщества (Налетова, Дворянчиков, Дворянчикова, 2025).

МАРКЕРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ: СИСТЕМА РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ

Ранние маркеры радикализации – это специфические поведенческие, психологические, социальные и цифровые паттерны, которые могут предшествовать открытому принятию экстремистской идеологии.

Их своевременное выявление открывает «окно возможностей» для профилактики, когда личность еще находится в состоянии идеологического поиска, а не в жестких рамках деструктивной группы. Поэтому данный раздел направлен на систематизацию современных представлений о «красных флагах», сигнализирующих о радикализации.

Изучение ранних маркеров сопряжено с рядом методологических сложностей и этических дилемм. С одной стороны, такие индикаторы, как повышенная агрессивность, ригидность мышления («черно-белое» восприятие мира), поиск значимой идентичности, переживание личной или коллективной несправедливости, а также погружение в закрытые онлайн-сообщества, могут быть частью нормативного кризиса взросления или отражением индивидуальных психологических особенностей. С другой стороны, именно их усиление

со временем часто служит триггерами перехода от умеренных взглядов к экстремистским.

В научной литературе и методических рекомендациях выделяется несколько групп маркеров:

1) Коммуникативные маркеры.

Склонность к ультраправой идеологии выдают публикации в социальных сетях сообщений, содержащих критику и оскорбления других людей по признаку национальности, религии, социального статуса, а также высказывания, оправдывающие действия и романтизирующие поступки националистов. Важно обращать внимание на рост использования ненормативной лексики, более резкие и грубые высказывания в публичном и личном пространстве.

2) Внешние атрибуты и символика.

Важным диагностическим признаком является появление непонятной символики и атрибутики, предметов. В методических рекомендациях Минпросвещения предлагается обращать внимание на изображения террористов на личных вещах, тематические татуировки, отсылающие к нацистской символике, а также подражание террористам в области стиля одежды и иных внешних атрибутов.

3) Поведенческие маркеры.

Основными признаками того, что молодой человек или девушка начинают попадать под влияние экстремистской идеологии, являются: резкое изменение манеры поведения, которая становится значительно более импульсивной и грубой, прогрессирует использование ненормативной либо жаргонной лексики; частые разговоры на политические и социальные темы с проявлением нетерпимости. У подростков, попавших под влияние экстремистских идей, резко меняется стиль в одежде (иногда изменяется распорядок дня, круг общения и т.д.), они начинают соответствовать правилам определенных неформальных групп.

4) Цифровые маркеры.

Подросток проводит много времени за компьютером (гаджетом), занимаясь самообразованием по вопросам, не относящимся к школьному обучению, потребляя информацию в виде научно-популярной и художественной литературы, фильмов, музыки, компьютерных игр. Ключевым маркером является радикализация мышления «с налетом какой-то идеологии», не свойственной ранее, а также размещение подростками на личных страницах в соцсетях сцен насилия и иной подобной символики, участие в подозрительных движениях. Также тревожным сигналом является сохранение

на компьютере ссылок и файлов с текстами, видео или изображениями социально-экстремального или экстремистско-политического содержания.

5) **Эмоциональные и личностные маркеры.**

К данной группе относятся: повышенная возбудимость, тревожность, перерастающая в грубость и агрессию; резкие перепады настроения; проявления нетерпимости к иным точкам зрения; снижение эмпатии и сострадания к окружающим; появление выраженного цинизма и пренебрежительного отношения к общепринятым ценностям.

МАРКЕРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ В РЕАЛЬНОЙ И ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Упомянутые выше маркеры способны проявиться как в виртуальном, так и реальном пространстве. Ниже приведены их детализированные примеры:

1. **Речевые (вербальные или коммуникативные) признаки.**

Например, *упоминание дискурса, свойственного радикальным (как правым, так и левым)*[4] *политизированным сообществам. Возможно, в речи слышны речевые оппозиции, непонятные термины, отсылки, сленг.* Такие особенности могут проявиться как в устной, так и письменной речи, как в офлайн, так и в онлайн-пространстве, соцсетях.

Ключевыми признаками становятся:

- **Разделение на группы «мы» и «они» в речи, их противопоставление и конфликт.** Говорящий присоединяется к группе «мы», которая отличается положительными чертами (либо не обладает негативными) и, возможно, неким превосходством. В противоположность ей обозначается группа «они», создается ее враждебный образ и возлагается ответственность за социальные и личные проблемы. При высокой степени радикализации возможны и выражения о необходимости избавиться от какой-то социальной группы для решения проблем.
- **Дегуманизирующая лексика.** В отношении враждебной группы может использоваться обсценная лексика. Если группа обладает признаком расовой

[4] Из политизированных сообществ чаще радикалистским потенциалом обладают сообщества, занимающие крайне правое и крайне левое положение в политической ориентации в классическом ее понимании. Упрощенно, правые стремятся к сохранению традиций и приоритету национальных интересов, а левые к социальной справедливости и равенству как людей внутри страны, так и в международном смысле.

или национальной общности – могут использоваться иронично-пренебрежительные наименования (этнофолизмы). Таким приемом достигается несколько целей: идеологически упрощается взгляд на существующие проблемы общества и методы их решения, происходит сплочение собственной группы, и оппоненты подвергаются дегуманизации.

Например, в среде ультраправых сообществ, обеспокоенных миграционными проблемами, распространено по отношению к представителям не славянских этнических групп: *«абушка», «абу-бандит», «обезьяна», «черномазый», «ваххабит», «гайнутдиновец», «азер», «чурка», «чучмек» и пр.*

В направлении «скулшутинга» актуально пренебрежительное наименование «*биомусор*» по отношению ко всем людям, особенно, если сам говорящий позиционирует себя как «*бог*». Также, специфическими маркерами выраженности этой темы будут являться:

- **Героизация, романтизация, оправдание скулшутеров и массшутеров**[5]: акцент не на последствиях их действий, а на их личных болях, страданиях, достаточной мотивации для совершения преступления. Представление их как «мучеников», как образцов для подражания, кумиров., использование их имен *(Дил и Эр, Росляков, Галявиев и др.)*

- **Прямые угрозы, сообщение об эмоциях, состоянии и намерениях:** выражения типа *«ненависть», «начинаю расстрел в школе», «устрою Керчь 2.0», «готовлю взрывчатку, чтобы отомстить»*.

- **Специфические маркеры, «кодовые» фразы и отсылки к истории скулшутеров:** *селекция, NBK, Natural Born Killers, natural selection, ich bin gott, Керчь18, I Don't Like Mondays, No lives matter и др.* (см. Приложение 2[6]).

Встречаются и специфические признаки, понятные тем, кто находится в контексте. Речь идет об использовании буквенно-цифровых обозначений или изображений, которые используются при заполнении виртуального профиля (никнейм, адрес страницы, описание профиля и др).

Неонацистская символика часто содержит отсылку к символике и атрибутике нацистской Германии, публичная демонстрация которой также является проявлением экстремизма (№ 114-ФЗ от 25.07.2002). Классическим примером

---

[5] Многие из имен встречаются редко, однако для понимания в Приложении 2 приведен полный список лиц, имеющих отношение к дискурсу.
[6] Расширенный список примеров смотреть в Приложении 2.

является изображение свастики, или рун «зиг» (символ SS (Schutzstaffel).

Например, довольно распространенный кодовый символ «1488»[7-8] в котором зашифрован двойной экстремистский смысл:

1) Комбинация «88» путем простого шифра A1Z26 скрывает в восьмерке букву алфавита «H», то есть «88» = «HH», что сокращенно означает «Heil Hitler» (нацистское приветствие). Таким образом, «88» (в том числе и без числа «14») символизирует поддержку нацистской идеологии;

2) Американский неонацист, член террористической организации «The Order» Дэвид Лэйн, вдохновившись тезисами А. Гитлера, сформулировал 88 заповедей, в каждой из которых в оригинале было по 14 слов. «Заповеди» Д. Лэйна являются экстремистским материалом[9].

Д. Лэйн и был автором символа-лозунга «1488», объединив свои тезисы с отсылкой к немецкому нацизму.

В качестве маркера радикализации может быть использован и кастет в лавровом венке, означающий переход к более радикальным действиям (один из символов NS/WP Crew, российской неонацистской террористической организации).

Ввиду невозможности демонстрации всех возможных символов всегда остается актуальным поиск с помощью браузера по картинке при обнаружении сомнительных, неясных символов.

2. **Самопрезентация**

В виртуальном пространстве особое внимание стоит уделить *самоназванию и позиционированию пользователя* (имя аккаунта, никнейм, адрес страницы, описание пользователя) и так называемому аватару (изображению аккаунта). В том числе данный маркер может пересекаться с пунктом «окружение и ориентиры»: встречаются случаи, когда пользователь в качестве собственного аватара устанавливает изображение человека, с правовой точки зрения связанного с экстремизмом.

В интернет-пространстве могут встретиться вышеупомянутые специфические символы, в различных проявлениях, в том числе самопозиционировании владельца

---

[7] В различных вариациях, иногда цифры могут быть разделены чертой 14/88, иногда смешаны с иными символами.

[8] Число 1488 включено в Федеральный список экстремистских материалов в различных вариациях, присутствует во многих экстремистских материалах.

[9] Экстремистские материалы. Министерство юстиции РФ. [Электронный ресурс] // URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials (дата обращения 23.04.26).

аккаунта. В Телеграме также распространены наборы для реакций в соцсетях с нацистской символикой и персоналиями (стикерпаки).

В реальном, офлайн-пространстве сигналом становится тот факт, что *внешний вид/стиль одежды человека становится необычным, используется символика и атрибутика, связанная с конкретными идеологиями.*

В современном городском пространстве радикалов крайне сложно (а зачастую почти невозможно) отличить от рядового обывателя. Причиной этого может быть тенденция на общее «размытие» значений символики и знаков, а также отход от практики «пояснения за шмот» среди современных подростков. Однако можно выделить отдельные примеры подростков, которые в зависимости от идеологических предпочтений используют элементы символики, обозначающие их принадлежность к тому или иному течению.

Например, **анархисты** могут использовать «знак анархии», **коммунисты** – «серп и молот», изображения деятелей левого движения (Ленин, Сталин, Че Гевара и др.). В свою очередь **правые радикалы** размещают соответствующую символику (вплоть до нацистской) или используют определенный дресс-код (ношение одежды определенных брендов, например, Longsdale, Thor Steinar и др.). С расширенным списком примеров используемой символики можно ознакомиться в Приложении 2.

Однако стоит отметить, что, несмотря на всю «яркость» демонстрации одежды как маркера радикализации, из-за дискурсивного «размытия» данный признак можно отнести больше к косвенным и говорить о нем как о подтверждающем можно лишь в присутствии иных, более основательных маркеров. Тем не менее, при выявлении стоит обратить внимание на иные маркеры, например, поведение.

3. **Поведение**

В качестве **общих и для офлайн, и для виртуального пространства признаков** следует выделить *скрытность, нарушение режима сна, агрессивность.*

В виртуальном пространстве это может проявляться в виде одобрения агрессии, противоправных действий, в том числе по отношению к какой-либо социальной группе. Например, когда пользователь выкладывает соответствующие видео, фото не собственного поведения, но образцов чужих действий и поступков.

Поведение в виртуальном пространстве может выражаться также в постах и репостах идей, тезисов, тем, с которыми солидарен пользователь.

4. **Окружение, ориентиры**

Полезно знать, с кем дружит несовершеннолетний, и кто в окружении является для него авторитетом, какое место (роль) в сообществе друзей он занимает, и доволен ли он этим. Друзья могут обладать антисоциальными, деструктивными интересами.

В виртуальном пространстве стоит обратить внимание на то, проявляются ли маркеры у друзей и подписчиков. Наиболее важны те, кто небезразличен к постам пользователя, ставит реакции, оставляет комментарии, и чья реакция важна для пользователя соответственно.

Тревожным признаком будут и *деструктивные ориентиры на радикалов, оправдание преступников* (в том числе террористов, скулшутеров, экстремистов). Это может проявиться в том, что человек поставит на аватар фото преступника, либо разместит пост поддерживающего содержания. Также, в особенности в теме скулшутинга, могут быть выражены подражательные элементы. При этом акцент делается не на противоправный статус преступника и последствия его действий (страдания других людей), а на его личной истории и «оправданности» мотивации.

В качестве примеров персон, обладающих статусом «ориентира» в радикальной среде, могут быть приведены:

- *Максим «Тесак» Марцинкевич, осужденный по экстремистским статьям, Дмитрий «Кислый» Боровиков (организатор Боевой террористической организации и Mad crowd, а также убийства Хуршеды Султоновой), Алексей «СВР» Воеводин (лидер неонацистской «Боевой террористической организации (БТО)»), Николай Королев (руководитель неонацистской террористической организации «СПАС», приговоренный к пожизненному лишению свободы за организацию и совершение ряда особо тяжких преступлений), Максим «Адольф» Базылев (основатель и главный редактор журнала «Русская Воля», внесенный в список экстремистских изданий) и др.*
- *Скулшутеры[10]: Эрик Харрис и Дилан Клиболд (Колумбайн, 1999), Тимур Бекмансуров («пермский стрелок», 2021. Примечателен мизантропическим манифестом), Бренда Спенсер (1979. Первая девочка-скулшутер, символ «беспричинной» агрессии», Чо Сын Хи, (2007. В оставленных видеоматериалах открыто называл Харриса и Клиболда «мучениками»), Адам Лэнза (школа «Сэнди-хук», 2012. Целенаправленно изучал опыт предыдущих массовых убийц и стремился превзойти их по числу жертв), Ильназ Галявиев (стрельба в казанской школе, 2021), Тимофей К. (Одинцовский район, 2025), Брентон Таррант (теракт в Крайстчерче, 2019. На него указывал Тимофей К. как на источник вдохновения) [11].*

---

[10] В данной теме мы намеренно отдали предпочтение не самым известным преступникам, так как в некоторых последних случаях нападений проявилась связь с ними.

[11] Фотографии и подробные биографические данные смотреть в Приложении 2.

5. **Увлечение, интересы, в т.ч. музыка.**

Некоторые интересы могут также *свидетельствовать о склонности к радикализации. Возможно увлечение фильмами/книгами/музыкой, интернет-сообществами определенного содержания.*

В виртуальном пространстве система интересов может быть представлена подписками на сообщества, аудио- и визуальными материалами (фото, видео).

Так, говоря о подписках пользователя, стоит отметить особенность **политизированных сообществ**, которые могут являться первичным признаком радикализации подростка из-за специфики функционирования данных групп. Многие из них представляют собой новостную ленту, которая посвящена узкому перечню проблем современного общества. Для правых сообществ актуальны темы миграционной политики и преступности, межнациональных/ межрелигиозных отношений, для левых групп – социальная (не) справедливость. Исходя из этого, большая часть новостной ленты сообществ состоит из отражения вышеописанных тематик в необходимом свете, в том числе с помощью вышеупомянутых речевых особенностей.

Визуальный контент, который пользователь сохраняет в своем профиле в социальных сетях, может быть самым разнообразным. Это происходит из-за особенностей развития современного интернет-пространства, которое характеризуется перенасыщенностью контентом и утратой авторского замысла.

В такой среде доминирующей коммуникативной стратегией становится тотальная ирония, выступающая в роли механизма психологической защиты от информационной перегрузки и механизмом обесценивания серьезного идеологического дискурса, что затрудняет возможность трансляции и восприятия однозначных смыслов.

В процессе многократного репостинга и контекстуальной подмены первоначально заложенное сообщение девальвируется, уступая место множественным, зачастую искаженным интерпретациям.

В контексте маркеров радикализации основной массив контента, за исключением новостных публикаций, сводится к нескольким интенциям: **превосходство собственной идеологической позиции, отказ от дискуссии с оппонентами, а также иронизация о применении насилия к ним.**

Стоит также отметить и **аудиозаписи пользователей**. Общий список зачастую вариативен, но зависит от политических

предпочтений подростка. Сторонники левой идеологии с большей вероятностью будут сохранять в аудиозаписях композиции, связанные или отсылающие к истории левого движения, СССР. В свою очередь сторонники правой идеологии с большей вероятностью будут иметь в своих альбомах композиции, связанные или отсылающие к Третьему Рейху, национальным, монархическим коннотациям.

Как примеры маркеров среди аудиозаписей в радикальной среде популярны конкретные группы. Например, «Хор СС», авторов и исполнителей нескольких экстремистских материалов. Группа «M8L8TH» также известна в правой среде, как и ее лидер Алексей Левкин. В названии группы также прослеживается символика: в названии буквы «о» заменены на две восьмерки, т.к. 88 является закодированным неонацистским приветствием «Heil Hitler» из-за того, что буква «Н» стоит в латинском алфавите восьмой; «Н» в конце названия группы символизирует фамилию Гитлера, написанную латиницей [12].

Общей рекомендацией для определения маркеров должна быть настороженность в отношении неясных символов, которые стоит уточнить, изучить, что они означают, и научиться распознавать.

При этом особого внимания требует систематический мониторинг виртуального пространства, где сегодня происходит основная часть радикализации молодежи. Рассмотрим далее более подробно технологию диагностики онлайн-статуса.

ДИАГНОСТИКА ПРОЯВЛЕНИЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ В СЕТИ

Отдельно стоит уделить внимание диагностике проявлений радикализации в виртуальном пространстве. Помимо предотвращения формирования системы взглядов, оправдывающей противоправное поведение и вовлечения пользователей в антиобщественные действия, такая диагностика на ранних этапах позволит избежать хабитуализации (т. е. «опривычивания») потребления и распространения деструктивного контента и дальнейшего погружения в деструктивные практики (Бергер, Лукман, 1995).

[12] Дополнительные примеры контента смотреть в Приложении 2.

Влияние виртуальной социализации на молодежь сегодня неоспоримо и проявляется во всех сферах жизни. Особенно заметен ее вклад в то, что определенный контент при постоянном потреблении формирует установки, ценности, таким образом выступая одним из факторов возникновения асоциального поведения реального человека (Виртуальная социализация..., 2023). В то же время следует учесть, что информация в аккаунте пользователя (характеристики его виртуальной личности) уже является отображением реальной жизни и, изучив ее, мы можем сделать предположение о вовлеченности реального человека в деструктивное поведение и, в том числе, о радикализации.

Алгоритм выявления маркеров и оценки рисков аккаунта пользователя условно выглядит так:

Таким образом, анализ аккаунтов пользователей в социальных сетях относится к превентивным мерам, позволяющим провести диагностику.

Любой аккаунт (личная страница) в соцсети состоит из элементов (разделов), каждый из которых при диагностике подвергается анализу на предмет наличия маркеров радикализации и степени выраженности радикализации.

ОЦЕНКА ВЫРАЖЕННОСТИ РАДИКАЛИЗАЦИИ

Подробнее рассмотрим осмотр разделов аккаунта и оценку выраженности радикализации.

1. **Осмотр разделов, говорящих о самопрезентации пользователя – самые важные аспекты:**

— анализ адреса (текст ссылки), имени аккаунта пользователя, статуса (в телеграме – раздел «Bio»);

— обращение внимания на совпадение имени с реальным, а в случае отличия – на характер искажений: пользователи могут изменять имя аккаунта для сокрытия реальных данных о своей

персоне или для информирования других пользователей о своей причастности к идеологиям и практикам;

— обращение внимания на маркеры, говорящие о радикализации;

— осмотр раздела личной информации: содержит блоки «образование», «жизненная позиция», «интересы» (деятельность, любимая музыка, фильмы, телешоу, книги, игры, цитаты, о себе) и др. Каждый из представленных разделов может содержать деструктивный контент. В рамках анализа личной страницы особое внимание стоит уделить изучению данных в поле «интересы», если оно заполнено;

— анализ записей или постов (ВКонтакте – записи на стене и истории, Telegram – истории, собственный телеграм-канал или сообщество – все посты в канале). Записи (посты) являются и частью самопрезентации пользователя, если он говорит о себе, и контентом, который он распространяет.

2. **Осмотр фотографий, видеозаписей, аудиозаписей, постов как контента:**

— обращение внимания на сохраненные материалы, поскольку они могут говорить о причастности к экстремистскому или радикалистскому дискурсу;

— из перечня фотографий отдельно следует выделить аватар (фото «обложка» аккаунта) в связи с влиянием, которое он оказывает на поведение, и посланием саморепрезентации, которое он несет;

Важно отметить: если вы видите на изображении неизвестного для вас персонажа/человека/место, проведите «поиск по фото» через браузер. Возможно, таким образом пользователь частично отождествляется с изображением;

— среди прочего стоит просмотреть альбом «фотографии со мной» и «сохраненные фотографии», иногда эти разделы могут дать дополнительную информацию о пользователе;

— отдельное рассмотрение раздела «видеозаписи», в том числе – содержания роликов. Даже если само название безобидно, внутри могут быть скрыты деструктивные символы или личности;

— дополнением может служить анализ аудиозаписей, когда в аудиоматериалах размещены не музыкальные композиции известных исполнителей, а записаны в аудио формате прямые декларации о намерении/желании нанести ущерб для жизни и/или здоровья себе и/или другим людям. Также важную информацию могут содержать названия плейлистов пользователя;

— осмотр репостов и публичных записей: они являются своеобразным «цифровым следом», который формирует публичный образ пользователя и может говорить о его увлечениях, интересах, времяпрепровождении, друзьях и пр. Для внешнего наблюдателя они служат ключевыми индикаторами при анализе виртуального пространства пользователя.

3. **Осмотр подписок на сообщества («ВКонтакте»)**

Сами подписки пользователя отражают его как реальные, так и потенциальные интересы.

— анализ последовательности. Подписки в социальной сети «ВКонтакте» располагаются не в алфавитном порядке и не по дате вступления, а в зависимости от востребованности у пользователя. В самом верху списка находятся те паблики и публичные страницы, которые пользователь посещал недавно (либо чаще всего). В конце списка оказываются сообщества, которые пользователь посещает редко или посты которых скрыл из своей ленты новостей;

— учет подписок на заблокированные сообщества, так как пользователь может просматривать данные группы используя программы обхода блокировок;

– обращение внимания на содержание: иногда название сообществ может не соответствовать изначальному содержанию.

Важно также отметить: в виртуальной среде перепродажа групп, имеющих набранных участников и их перепрофилирование являются нередким явлением, поэтому наличие одиночной подписки на какое-либо рисковое сообщество не является прямым доводом о вовлеченности владельца страницы в деструктивный дискурс.

4. **Рассмотрение списка «друзья» (окружения)**

Список друзей пользователя не всегда бывает общедоступен, поэтому он анализируются по возможности и в зависимости от ситуации. Тем не менее:

– данный раздел следует проверять по двум критериям:

o на наличие связей с определенными личностями, известными в дискурсивном поле,

o на общие несоответствия образу анализируемого пользователя;

– обращение внимания на ближайших друзей, проявляющих активность публично (комментарии, реакции), и на оставление информации, свидетельствующей о радикализации.

Оценивается и пропорция рисковой информации: каков ее объем по отношению к совокупности информации на странице.
Однако оценка всегда должна учитывать индивидуальные особенности и подлежать верификации.

Учитываются следующие нюансы:

1. **Реальное и виртуальное поведение отличаются.** Пользователи могут предоставлять неполные и искаженные данные, в зависимости от того, какие аспекты ему важны в самопрезентации в онлайн-среде. С помощью самопрезентации пользователь формирует собственную идентичность, которую видят другие, и таким образом может контролировать впечатления окружающих о нем. Здесь возможны варианты: в зависимости от того, какая группа является наиболее значимой (референтной) для несовершеннолетнего пользователя, публикуется только то, что не осудит самая строгая аудитория, или то, что одобрила бы самая ценная аудитория. Однако зачастую оба фактора имеют место, а выбор зависит от особенностей личности.
2. **В зависимости от того, какого характера изображение представлено на конкретном фото («обложке») аккаунта (аватаре), соответствующее послание может быть зашифровано и касательно всей страницы.** Чем ближе фото к реальному облику пользователя – тем, вероятней, ближе содержимое страницы (т.е. «Я-виртуальное») к «Я-реальному» данного пользователя.
3. **Необходимость анализа не зависит от объема представленной информации.** Даже на первый взгляд «полупустые» аккаунты могут обладать значимым потенциалом для интерпретации.

Если говорить о популярных среди молодежи соцсетях, лидерство остается за «ВКонтакте» и Telegram (Исследование Mediascope..., 2025). У части пользователей помимо аккаунтов есть собственные телеграм-каналы. Для наглядности рассмотрим личную страницу в социальной сети «ВКонтакте»[13] в разрезе мониторинга виртуального пространства пользователя, поскольку интерфейс данной платформы позволяет проанализировать больше характеристик аккаунта в сравнении с Telegram.

При оценке результатов анализа разделов страницы (аккаунта) пользователя по степени выраженности рисков можно

[13] Платформа VK.

выделить **первичные признаки вовлеченности** – это маркеры, проявляющиеся в имени или адресе личной страницы пользователя, информации о себе и своих интересах, фотографии и изображения (в особенности, аватар, «обложка» аккаунта), размещенные записи (посты). **Вторичными признаками** являются подписки на сообщества, репосты. В зависимости от мест обнаружения и вида маркеров, а также пропорции представленной информации можно предположить степень выраженности риска, и, соответственно, радикализации. **Максимальная степень выраженности риска – видимое личное участие пользователя в противоправном поведении.**

В Приложении 1 к данному пособию для наглядности также рассмотрена личная страница в социальной сети «ВКонтакте» в разрезе мониторинга виртуального пространства пользователя.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ РИСКОВ

Оценка рисков экстремистского поведения должна носить комплексный характер и учитывать все выявленные факторы в их взаимосвязи. Существующие модели оценки риска радикализации, которые в основном используются в пенитенциарных системах, направлены только на лиц, уже вовлеченных в экстремистские организации. Однако большую группу риска составляют подростки и молодежь, что требует разработки превентивных моделей оценки.

Комплексная оценка риска включает следующие компоненты:

1) **Скрининг факторов риска** – первичное выявление подростков, имеющих сочетание нескольких факторов риска (семейное неблагополучие, низкая самооценка, дефицит социального признания, погруженность в деструктивные онлайн-сообщества).

2) **Углубленная психологическая диагностика** – проведение специализированных тестов и опросников для оценки склонности к экстремизму, уровня агрессии, толерантности, особенностей идентичности.

3) **Мониторинг поведенческих маркеров** – систематическое наблюдение за изменениями в поведении, внешнем виде, круге общения и цифровой активности подростка (Деструктивные тенденции..., 2025).

4) **Оценка социального окружения** – анализ влияния семьи, референтной группы сверстников, включенности в позитивные социальные институты.

5) **Формирование индивидуального профиля риска** – интеграция всех полученных данных для определения уровня риска (низкий, средний, высокий) и выработки адресной стратегии профилактической работы.

Ранняя диагностика и оценка рисков экстремистского поведения среди несовершеннолетних – это сложная, но крайне важная задача, требующая междисциплинарного подхода и координации усилий всех субъектов профилактики. Сложно переоценить роль прогнозирования вовлечения обучающихся в неформальные объединения, идеология и деятельность которых направлены на вовлечение подростков и молодежи в экстремистскую активность.

Эффективная система ранней диагностики опирается на:

- четкое понимание факторов риска и маркеров экстремистского поведения;
- использование валидных диагностических инструментов (психологических тестов, чек-листов, методик наблюдения);
- мониторинг цифровой активности подростков;
- обобщенные, структурированные отчеты социологических наблюдений;
- комплексную оценку рисков с формированием индивидуального профиля.

Ключевым условием успешной профилактической работы является раннее выявление рисков вовлечения подростков в экстремистскую деятельность, когда деструктивные установки еще не сформировались окончательно и существует возможность эффективного психолого-педагогического вмешательства.

Системный подход, объединяющий усилия социологов, психологов, педагогов, социальных работников и правоохранительных органов, способен обеспечить действенную защиту несовершеннолетних от угрозы экстремизма и создать условия для их благополучной социализации и развития.

ПСИХОЛОГИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ

Понимание психологических механизмов радикализации является ключевым для эффективной профилактической работы. Специалисту важно видеть не «потенциального террориста», а уязвимого человека, переживающего кризис развития, которому деструктивные группы предлагают иллюзорное решение его проблем (Психология кризисных..., 2016, 2018). В этой части пособия мы рассмотрим социально-психологический портрет молодежи, которую можно отнести к так называемой «группе риска», и механизмы, которые эксплуатируют вербовщики.

В качестве ключевого примера в пособии рассматривается именно подростковый возраст как наиболее уязвимый и показательный период развития.

Именно в подростковом возрасте формируются те кризисы идентичности, принадлежности и смысла, которые при отсутствии своевременной поддержки нередко «перетекают» во взрослую жизнь и становятся основой принадлежности молодого человека к «группе риска».

«ПОРТРЕТ» ПОДРОСТКА ГРУППЫ РИСКА

Ребенок, наиболее уязвимый для радикализации, – это не «врожденный преступник» или изначально жестокий человек. Это молодой человек, оказавшийся в точке пересечения нескольких кризисов одновременно: возрастного кризиса, кризиса идентичности и социального кризиса. Понимание его внутреннего мира и потребностей позволяет своевременно выявить риски и предложить альтернативу деструктивному пути (Гурина, Ремеева, 2024).

Говоря о внутреннем мире подростка с уязвимостями, следует отметить, что в их основе лежит **возрастной кризис**, усугубленный неблагоприятными жизненными обстоятельствами (см. раздел 1.3). С точки зрения экзистенциальной психологии, подросток переживает мучительную неопределенность по трем ключевым вопросам:

- **«КТО Я?»** – кризис идентичности. Э. Эриксон описывал подростковый возраст как период формирования целостной идентичности, когда молодой человек должен интегрировать все свои роли и самоопределения в единое «Я» (цит. по: Кручинин, Комарова, 2016). При неблагоприятном протекании кризиса формируется диффузная идентичность – мучительное состояние, когда подросток не знает, кто он, чего хочет, каковы его ценности. Внутренне это может

ощущаться подростком как «Я не понимаю, кто я. Я пустой. Мне не к чему стремиться».

- **«ГДЕ МОЕ МЕСТО?»** – кризис принадлежности. Потребность принадлежать к группе, быть принятым – базовая социальная потребность, особенно острая в подростковом возрасте (Психология кризисных..., 2018). Социальная изоляция, буллинг, статус «изгоя» переживаются как витальная (смертельная) угроза. Подросток может думать: «Меня никто не понимает. Я один против всех. Здесь мне не место».

- **«ЗАЧЕМ Я ЖИВУ?»** – кризис смысла и значимости. Подростки остро нуждаются в ощущении, что их жизнь имеет цель и значение. В условиях ограниченных социальных перспектив, отсутствия признания эта потребность фрустрируется. И человека могут посещать мысли: «Моя жизнь бессмысленна. Никому нет дела до того, что я чувствую. Я хочу, чтобы обо мне помнили» (Эриксон, 1996; цит. по: Кручинин, Комарова, 2016).

Именно на эти три болевые точки – идентичность, принадлежность, значимость – нацелена вербовка экстремистских групп. Они предлагают подростку ГОТОВЫЕ ОТВЕТЫ на мучительные вопросы:

- **«Ты – воин света / защитник расы / мститель» (идентичность).**
- **«Ты – часть братства избранных» (принадлежность).**
- **«Твоя жизнь имеет великую миссию, о тебе будут помнить» (значимость).**

Важным является то, что экстремистская группа и ее вербовщики не создают эти эмоции – они их усиливают и эксплуатируют. Вследствие чего задачей профилактики становится – предложить конкурентоспособные конструктивные способы справиться с бессилием, злостью, тревогой, потребностью в героизме.

Однако критически важно отличать подростка группы риска от человека, уже прошедшего радикализацию. Это определяет стратегию работы. Уязвимый подросток находится **на пути** радикализации, но еще не прошел ее полностью, и это то «окно возможностей», когда профилактическое вмешательство наиболее эффективно. По ключевым критериям они различаются по:

- **идентичности**: от поиска и диффузности к жесткой, идеологизированной схеме «кто я»;

- **отношению к насилию**: от амбивалентности и романтизации в фантазиях к одобрению и готовности применять его на практике;
- **связи с обществом**: от частичной изоляции при сохранении контактов с семьей/школой к почти полной интеграции в радикальную группу;
- **возможности изменений**: от высокой эффективности профилактики на ранних стадиях к необходимости длительной реабилитации.

При этом, даже в условно радикализированном подростке специалист всегда должен видеть не «будущего преступника», а человека в кризисе, нуждающегося в помощи.

Описанный портрет подростка группы риска во многом задает контуры будущей молодежи группы риска.

Если потребности подросткового периода остаются неудовлетворенными, а кризисы – неразрешенными, те же установки и дефициты позже проявляются уже в молодежных радикальных сообществах.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК УЯЗВИМОСТИ

Радикализация – это не одномоментный акт, а поэтапный психологический процесс, в котором возрастные уязвимости встречаются с целенаправленным внешним воздействием. Для специалиста важно понимать, что речь идет не о «внезапном превращении» благополучного ребенка в носителя радикальных установок, а о постепенном смещении его идентичности, системы отношений и способов интерпретации реальности (Психология кризисных..., 2018; Гурина, Ремеева, 2024). Понимание этих механизмов позволяет выявить радикализацию на ранних стадиях и предотвратить ее развитие.

Радикализация молодого человека формируется на пересечении внутренних кризисов развития, социальной фрустрации и манипулятивных техник вербовки, усиливающихся в цифровой среде.

Подростковый возраст сам по себе создает ряд уязвимостей, становящихся «точками входа» в радикализирующее влияние. В этот период еще не завершено **формирование личностной идентичности**, поэтому подросток **особенно чувствителен** к предложениям готового, внешне цельного образа себя, основанного на идеях избранности, миссии, борьбы или принадлежности к «особому» сообществу.

Радикальные объединения нередко предлагают не только идеологию, но и кажущийся целостным ответ на вопрос «кто я?», подменяя сложный процесс **самоопределения** жесткой и эмоционально насыщенной идентичностью. Если эти запросы остаются неразрешенными, те же схемы уязвимости, основанные на кризисе идентичности, сохраняются и в последующем юношеском и молодом возрасте.

Существенную роль играет характерное для подросткового возраста **стремление к определенности и максимализму**. Склонность к полярным оценкам, делению мира на «своих» и «чужих», а также потребность в ясных и эмоционально насыщенных объяснениях делают подростка более восприимчивым к **простым и радикальным интерпретациям действительности**, в которых сложные общественные процессы объясняются через образ врага, заговора или тотальной несправедливости. В такой оптике экстремистская идеология оказывается психологически удобной: она снимает ощущение неопределенности, предлагает простую схему мира и обещает субъекту моральную правоту.

Не менее значимым фактором становится **повышенная зависимость подростка от группы сверстников и признания со стороны значимого сообщества**. Если в нормативной социальной среде подросток не получает поддержки, уважения и чувства принадлежности, то радикальная группа может компенсаторно выполнять для него функции суррогатной семьи, источника статуса и пространства эмоционального принятия. В этом случае присоединение к группе происходит не только по идеологическим причинам, но и как способ преодоления одиночества, отчуждения и внутренней неустойчивости.

Дополнительным фактором риска выступают **импульсивность, сниженная способность к долгосрочному прогнозированию последствий и общая возрастная незрелость механизмов саморегуляции**. В подростковом возрасте решения нередко принимаются под влиянием аффекта, группового давления, желания доказать свою смелость или лояльность, тогда как реальные последствия собственных действий оцениваются недостаточно полно. Именно поэтому вовлечение в деструктивную активность часто начинается с действий, которые самому подростку кажутся неопасными: просмотра контента, участия в закрытом чате, репоста материалов, символических жестов поддержки.

Особое значение имеет **романтизация насилия, героизма и самопожертвования**. В подростковом сознании, ориентированном на поиск смысла, подвига и социального признания, насильственные действия могут ложно интерпретироваться как форма мужества, силы и морального

превосходства. Такая символическая привлекательность радикальных нарративов усиливается тогда, когда обыденная жизнь переживается подростком как бессодержательная, унизительная или лишенная перспектив (Психология кризисных..., 2018; Гурина, Ремеева, 2024).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ: ОТ КОНТАКТА К ПОДЧИНЕНИЮ

Вовлечение подростка или молодого человека в радикальную среду строится не на прямом принуждении, а на поэтапной психологической работе с его уязвимостями. Исследования механизмов вербовки молодежи показывают, что в основе этого процесса лежат социальная изоляция, диффузная эго-идентичность, нарушения критической оценки происходящего и использование целенаправленных манипулятивных стратегий (Гурина, Ремеева, 2024).

Рассмотрим стадии вовлечения индивида в экстремистскую организацию, а именно:

- «бомбардировку любовью»,
- идеализацию группы и формирование чувства принадлежности к ней,
- фильтрацию информации,
- установление контроля и ограничений,
- закрепление участия в группе.

На первой стадии применяется так называемая **«бомбардировка любовью»**, когда потенциального участника окружают подчеркнутым вниманием, теплом, поддержкой и демонстративным принятием. Для подростка, переживающего одиночество, непонимание или дефицит признания, такая форма контакта оказывается особенно значимой, поскольку создает переживание эмоциональной безопасности и исключительной ценности собственной личности.

Следующим этапом становится **идеализация группы и формирование чувства особой принадлежности**. Подростку внушается мысль о том, что именно данное сообщество обладает истиной, моральным превосходством и особой миссией, а сам он получает шанс стать частью избранного круга. Благодаря этому потребность в идентичности и признании начинает удовлетворяться уже не через обычные социальные связи, а через включенность в радикальную группу.

Далее усиливается **фильтрация информации**, то есть постепенный **контроль** над тем, какие источники считаются «достоверными», как следует интерпретировать события и кому

можно доверять. В результате подросток начинает воспринимать внешнюю информацию как враждебную, искаженную или опасную, тогда как позиция группы приобретает статус единственно правильной. Это создает предпосылки для когнитивной замкнутости и снижает возможность критического сопоставления различных точек зрения.

После этого могут вводиться **физические и психологические ограничения**, направленные на усиление зависимости и подчинения. Они могут выражаться в регламентации общения, ограничении контактов с близкими, контроле режима, символических испытаниях, требованиях доказать преданность или в создании атмосферы постоянного наблюдения и оценки. В таких условиях подросток постепенно утрачивает пространство личной автономии, а выход из группы начинает восприниматься как риск утраты поддержки, идентичности и безопасности (Психология кризисных..., 2016).

Итогом становится значительное снижение критичности, способности к рефлексии, сомнению и самостоятельному анализу происходящего. Оценка событий начинает строиться преимущественно на эмоционально насыщенных групповых объяснениях, а внутреннее несогласие подавляется страхом, чувством вины или потребностью сохранить принадлежность к значимому сообществу. Именно на этой стадии радикальные установки закрепляются наиболее прочно, поскольку подросток уже не просто разделяет отдельные идеи, а воспринимает их как часть собственной идентичности.

С практической точки зрения радикализация может быть также описана и как последовательность из 4 стадий:

- **стадия предрасположенности** – обычно обнаруживаются кризисное состояние, переживание унижения, социальной изоляции, тревоги, внутренней пустоты или затяжного конфликта с ближайшим окружением.
- **стадия самоидентификации** – подросток начинает искать ответы, знакомится с радикальными интерпретациями происходящего и постепенно принимает схему «мы – они» как удобную основу для самоопределения.
- **стадия индоктринации** – происходит более глубокое усвоение идеологии, усиливается разрыв с прежним окружением и снижается восприимчивость к альтернативным точкам зрения (Гурина, Ремеева, 2024; Коновалов, 2021). Мышление становится более жестким и категоричным, а образ противника – дегуманизированным; именно здесь особенно заметны изменения речевых формул, интересов и источников информации подростка.
- **стадия активизации** – радикальные установки переводятся в готовность к конкретным действиям: поиску инструкций, конспирации, участию в незаконных акциях

или выполнению задач, поставленных группой.

Для профилактики принципиально важно, что на ранних стадиях сохраняются значительные возможности психолого-педагогического вмешательства. **На ранних этапах эффективными могут быть: восстановление доверительных отношений, работа с идентичностью, снижение чувства изоляции, развитие критического мышления и возвращение подростка в поддерживающее социальное пространство.**

По мере перехода к стадиям активной индоктринации и мобилизации резко возрастает значение межведомственного взаимодействия, включая участие специалистов системы профилактики и, при наличии угрозы, правоохранительных структур.

ОФЛАЙН- И ОНЛАЙН-СРЕДА КАК ПОСРЕДНИК РАДИКАЛИЗАЦИИ

Отдельного внимания заслуживает также **роль группы как основного посредника радикализации**.

Радикальное сообщество дает подростку то, чего ему часто недостает в обычной жизни: принятие, признание, иерархию, ясные правила, язык интерпретации происходящего и ощущение высокой миссии.

Благодаря этому, вовлечение оказывается не только идеологическим, но и глубоко эмоциональным: подросток защищает уже не просто убеждения, а значимую для себя форму принадлежности (Психология кризисных..., 2018; Гурина, Ремеева, 2024).

В современной ситуации эти процессы существенно усиливаются цифровой средой. Онлайн-платформы облегчают поиск уязвимых подростков, обеспечивают быстрый и относительно анонимный контакт, а алгоритмы рекомендаций способны постепенно формировать замкнутую «воронку контента», в которой радикальные сообщения начинают восприниматься как норма. Закрытые чаты, меметическая подача, элементы геймификации, символические задания и постоянная обратная связь делают вовлечение менее заметным для взрослых и одновременно более психологически привлекательным для самого подростка.

Завершающим элементом часто становятся ритуалы инициации, выполняющие функцию «точки невозврата». Это могут быть клятвы, совместные противоправные действия,

демонстративные акты лояльности, нанесение символики или участие в испытаниях, после которых выход из группы начинает переживаться как предательство, утрата себя и источник реальной опасности.

Чем сильнее подросток связывает свое достоинство и право на принадлежность с радикальной группой, тем труднее становится процесс дерадикализации и возвращения в нормативную социальную среду.

Таким образом, психологические механизмы радикализации подростков основаны на сочетании возрастной уязвимости, кризиса идентичности, потребности в признании, группового давления и целенаправленных манипулятивных стратегий вовлечения (Психология кризисных..., 2016, 2018; Гурина, Ремеева, 2024; Эриксон, 1996).

Для методической и профилактической работы особенно важно видеть за внешне идеологическими проявлениями более глубокие психологические процессы: поиск смысла, стремление к принадлежности, переживание унижения, страх изоляции и потребность в личностной определенности. Именно такое понимание позволяет выстраивать раннюю профилактику не только как запрет или контроль, но и как системную работу с внутренними дефицитами и социальными условиями, делающими подростка уязвимым к радикализирующему влиянию.

ПРОФИЛАКТИКА РАДИКАЛИЗАЦИИ

Профилактика радикализации молодежи и противодействие вовлечению молодых людей в экстремистские сообщества – одна из приоритетных и одновременно наиболее сложных задач для специалистов отрасли молодежной политики. Исходя из всего вышесказанного, ключевая сложность заключается в том, что здесь мы как специалисты сталкиваемся с фундаментальным противоречием, лежащим в самой природе этого явления: радикализм и экстремизм для современной молодежи часто воспринимаются как привлекательное решение ключевых проблем и базовых потребностей (Психология кризисных..., 2018; Коновалов, 2021; Гурина, Ремеева, 2024).

Традиционные методы профилактической работы, которые использовались на протяжении длительного времени, стремительно устаревают и теряют свою эффективность. Нередко мероприятия для молодежи, реализуемые в данном направлении, построены на запретах и устрашении и дают обратный эффект: они только укрепляют у молодого человека ощущение, что «взрослые врут и подавляют», а радикальная группа все больше кажется единственным местом, где его понимают.

Подводным камнем здесь может стать подмена профилактики репрессией: когда любые проявления инакомыслия или увлечения «опасным» контентом автоматически криминализируются, впоследствии подросток часто перестает доверять системе и уходит в подполье, где вербовщик как раз обещает ему защиту от враждебного внешнего мира.

Еще одна проблема профилактической работы в данном поле связана с цифровой средой, которая изменила механизмы вовлечения. Алгоритмы социальных сетей создают «эхо-камеры» и «воронки радикализации» (Красиков, 2023): начав с просмотра безобидных мемов про политику, пользователь за несколько кликов попадает в закрытые чаты с экстремальным контентом, причем этот переход происходит незаметно и быстро.

Традиционная профилактика, ориентированная на офлайн мероприятия, просто не успевает за скоростью цифровой социализации. При этом попытка действовать

напрямую создает «эффект Стрейзанд», то есть привлекает еще больше внимания, а молодежь при этом легко находит обходные пути, одновременно приобретая навык сопротивления цензуре, который радикалы умело эксплуатируют.

Эффективная профилактика требует долгой, индивидуальной работы по восстановлению доверия и созданию привлекательной альтернативы. Именно поэтому краткосрочные кампании и ужесточение наказаний без параллельного развития позитивной занятости, медиаграмотности и доступности психологической помощи, поддержки не снижают уровень радикализации, а, напротив, парадоксальным образом увеличивают латентную радикализацию.

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

В контексте профилактической работы с молодежью традиционно различается **первичная, вторичная и третичная** виды профилактики.

Первичная профилактика – это комплекс мер, направленных на предупреждение факторов риска развития заболеваний и социальных форм дезадаптации. Иными словами, речь идет о формировании индивидуального и коллективного «иммунитета», который позволяет удерживать потенциальные факторы риска и негативные влияния среды за пределами здоровья человека и сферы его повседневной активности.

> Цель первичной профилактики в разрезе противодействия экстремизму: создать иммунитет к радикальным идеям и сформировать устойчивую просоциальную направленность личности.

Среди ключевых направлений первичной профилактики радикализации можно выделить следующие:

→ **Формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей.** Это база, на которой строится любая профилактическая работа (Просветительская работа..., 2024). Формирование традиционных ценностей и поддержка развития просоциальных ценностно-мировоззренческих установок создает у молодежи устойчивую смысловую основу, которая снижает привлекательность радикальных нарративов, обещающих простые ответы и «высшие цели». Когда человек видит ценность в диалоге, заботе о близких и созидании, ему сложнее принять идеологию, делящую мир на «врагов»

и требующую насилия. Формирование навыков ненасильственного взаимодействия и толерантности; развитие эмпатии, уважения к различиям, умения вести диалог и разрешать конфликты без насилия снижает вероятность принятия идеологий, оправдывающих агрессию против «чужих».

→ **Развитие критического мышления.** Это базовый навык работы с информацией: поиск нужной информации, ее анализ, проверка на достоверность. А также умение находить причинно-следственные связи явлений или событий, задавать вопросы, аргументировать свою позицию и грамотно формулировать свою точку зрения.

→ **Создание позитивной повестки.** Формирование базового ощущения безопасности, принадлежности и самореализации через конструктивную среду, общение, мероприятия, социальные проекты, контент в информационном пространстве.

→ **Развитие психологической устойчивости к деструктивным влияниям.** Формирование у молодого человека внутренней опоры, навыков саморегуляции, стрессоустойчивости и жизнестойкости снижает привлекательность радикальных решений в ситуации кризиса. Программы социально-психологических тренингов позволяют развивать умение справляться с фрустрацией, выдерживать неопределенность и конструктивно выражать эмоции вместо обращения к насилию (Правовые, психологические..., 2017).

Вторичная профилактика – это комплекс мероприятий, направленных на снижение и устранение уже выраженных факторов риска, которые при определенных условиях могут привести к возникновению, обострению или рецидиву заболевания или социальной дезадаптации. В отличие от первичной профилактики, ориентированной на все население, вторичная фокусируется на группах повышенного риска (например, на людях с особенностями здоровья, из неблагополучных семей или коллективов с высокой конфликтогенностью и пр.).

Цель вторичной профилактики в разрезе противодействия экстремизму: выявить на ранней стадии молодых людей, наиболее подверженных влиянию радикальных идей, и переключить их в конструктивное русло до «перехода в экстремальную фазу».

Среди ключевых направлений вторичной профилактики радикализации можно выделить следующие:

→ **Психолого-педагогический мониторинг.** Регулярное наблюдение за поведением и эмоциональным состоянием подростков в школах, колледжах, секциях. Задача такого мониторинга – раннее выявление молодежи группы риска, наиболее подверженных или уже подпавших под влияние радикальных идей, с целью организации дальнейшей индивидуальной и групповой профилактической работы (Профилактика экстремизма..., 2014).

→ **Индивидуальное консультирование.** Работа психолога с подростками, демонстрирующими высокую агрессию, чувство социальной изоляции, склонность к самоповреждающему поведению, повышенную внушаемость. Задача специалиста – мягко оспорить черно-белое мышление и предложить альтернативные способы удовлетворения потребности
в значимости (Пазухина, 2023).

→ **Наставничество.** Закрепление за подростком из группы риска значимого взрослого, который не является ни полицейским, ни школьным учителем с оценочной функцией. Наставник проводит регулярные неформальные встречи, помогает выстраивать конструктивные отношения, совместно искать законные способы реализовать лидерский потенциал (Наставничество в профилактической..., 2026).

→ **Социальная поддержка и переключение деятельности.** Вовлечение подростка из группы риска в позитивные проекты (волонтерство, спорт, творчество, пр.), которые дают те же бонусы, что и радикальная группа: чувство принадлежности, признания, самореализации, поиск авторитетов (Пазухина, 2023; Экосистема профилактики...,).

→ **«Цифровые интервенции» для группы риска.** Персонализированная подача контр-нарративов тем молодым людям, чьи алгоритмические профили указывают на «уход» в радикальные сообщества (например, через таргетинг позитивных видеороликов от экс-радикалов или блогеров-ровесников с альтернативной позицией). Также используются чат-боты доверия, где анонимно можно задать вопрос о сомнениях в своей радикальной группе.

Третичная профилактика – это система мероприятий по реабилитации людей, утративших способность к полноценной жизнедеятельности в результате болезни или социальной дезадаптации. Если во вторичной профилактике работа ведется с теми, кто еще не совершил серьезных правонарушений, но уже находится в зоне высокого риска, то третичная ориентирована на людей, которые уже «оступились», совершили правонарушение или длительно находились под воздействием

деструктивных факторов. Ее цель – обеспечить психологическую, социальную, трудовую и медицинскую реабилитацию и тем самым способствовать возвращению человека к нормальной жизни.

Цель третичной профилактики в разрезе противодействия экстремизму: вернуть молодого человека, уже вовлеченного в деструктивную активность, совершившего преступление экстремистской или террористической направленности либо отбывшего срок, к нормальной жизни.

Третичной профилактикой чаще всего занимаются специализированные учреждения и специалисты, обладающие необходимыми компетенциями (Красинский, 2021). Тем не менее, в отрасли молодежной политики также могут быть реализованы следующие направления третичной профилактики радикализации:

→ **Дерадикализация через когнитивно-поведенческие программы.** Системная работа с убеждениями человека, который принял радикальную идеологию. В индивидуальных или групповых сессиях под руководством компетентного психолога (часто с участием приглашенных экспертов) последовательно оспариваются ключевые догматы: дегуманизация врага, оправдание насилия, идея «чистой войны».

→ **Ресоциализация.** Комплекс мер, помогающих человеку покинуть радикальную среду и встроиться в нормальную жизнь: восстановление документов, содействие в получении жилья и профессии, помощь в трудоустройстве, разрыв связей с бывшими соратниками. Ключевой элемент – наставничество на длительный срок.

→ **Работа с семьей и ближайшим окружением как профилактика рецидива.** Обучение родственников распознаванию признаков возврата к радикальным взглядам, методам ненасильственного удержания и созданию домашней «безопасной среды». Семья включается в процесс ресоциализации: совместные консультации, восстановление доверия, помощь в трудовом и бытовом устройстве.

→ **Восстановление позитивной идентичности и альтернативной идеологии.** Помощь человеку в обретении новой, не менее значимой, но просоциальной идентичности: через образование, профессию, творчество. Важно дать бывшему радикалу конкретную, привлекательную картину мира и перспективу самореализации.

Важным направлением третичной профилактики является также **работа со стигматизацией** как самих участников программ, так и их социального окружения. Стигма «бывшего

экстремиста» или «опасного» человека усиливает изоляцию, затрудняет трудоустройство и восстановление социальных связей, повышая риск рецидива, тогда как информирование общества, профессиональная поддержка и создание реалистичных, но не карательных ожиданий относительно процесса ресоциализации помогают снизить напряженность и поддержать просоциальные изменения.

СРЕДОВАЯ МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ

Каждый человек в течение своей жизни находится в нескольких пространствах (средах):

– пространстве **своей личности** (ценности, качества, установки, интересы, склонности, намерения, мотивации, страхи и пр.);

– пространстве **своей семьи** (той, где он родился, и той, которую он впоследствии создает);

– **учебном или рабочем** пространстве (формализованные коллективы по месту учебы, работы, какой-то иной деятельности, где он выполняет строго определенный функционал);

– **досуговом** пространстве (неформальные коллективы, которые человек создает для себя сам, учитывая личные интересы и потребности);

– **информационном** пространстве (сеть интернет, СМИ и другие каналы общения и взаимодействия, через которые информация передается от человека к человеку).

В средовой модели профилактической деятельности центральное место отводится формированию базового ощущения безопасности в каждом из выделенных пространств.

→ **В пространстве личности:** формирование у молодого человека психологической «прививки», которая позволяет ему оставаться рефлексивным и критичным даже в стрессовых обстоятельствах (развитие внутренней устойчивости, эмоционального интеллекта, конструктивной идентичности, обучение саморегуляции и рефлексии).

→ **В пространстве семьи:** переориентация семьи из фактора риска в фактор защиты, где любые спорные идеи можно обсудить без страха наказания (создание устойчивой коммуникативной среды, навыки разрешения конфликтов, передача межпоколенческого опыта).

→ **В формальном пространстве:** наделение формальной среды функцией «иммунной системы» коллектива, где просоциальные нормы сильнее радикальных призывов (раннее выявление, поддержка, позитивные ритуалы и традиции, групповой иммунитет через ученическое самоуправление).

→ **В неформальном пространстве:** помощь в выстраивании комфортной жизненной среды, где молодой человек реализует свои увлечения, но при этом учится распознавать деструктивные элементы, которые могут проникнуть в любую, даже позитивную группу (мониторинг неформальных лидеров, организация альтернативного досуга и просоциальных сообществ, создание социальных лифтов, поддержка «безопасного выхода»).

→ **В информационном пространстве:** формирование критического мышления и «цифрового иммунитета» к деструктивным трендам и алгоритмам вовлечения (обучение медиаграмотности, развитие навыков обхода манипулятивных алгоритмов, контр-нарративы от ровесников, вовлечение в деятельность «цифровых волонтеров»).

БАЛАНС НЕГАТИВНОЙ И ПОЗИТИВНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Рассматривая профилактику радикализации, важно различать две принципиально разные логики работы – через запреты и санкции или через развитие ресурсов и альтернативных возможностей для молодежи. Эти подходы условно обозначают как негативную (запретительно-карательную) и позитивную (развивающе-ресурсную) профилактику, и от того, какой из них становится ведущим, зависит не только эффективность, но и этичность всей системы профилактической работы с молодыми людьми.

НЕГАТИВНАЯ ПРОФИЛАКТИКА

Негативная, или как ее называют в ряде источников **запретительно-карательная**, профилактика заключается в **подавлении** нежелательных проявлений – контента, сообществ, символики, высказываний. Молодой человек рассматривается как потенциальный объект влияния, которого нужно оградить от «опасных» идей или наказать за их усвоение.

Негативная профилактика постулирует, что **страх наказания должен удержать молодого человека от перехода к действию; изоляция от «вредного» контента должна лишить его источника радикализации**.

Инструментами негативной профилактики могут выступать:

– Мониторинг информационных ресурсов и блокировка каналов, контента, распространяемых материалов;

– Запрет организаций, материалов и символики, признанных экстремистскими или террористическими;

– Постановка на учет, ограничение свободы за совершение противоправных действий, в том числе правонарушений или преступлений экстремистской и террористической направленности;

– Исключение из учебного заведения за радикальные взгляды.

В ряде случаев лекции об административной и уголовной ответственности также могут быть причислены к негативной профилактике, если они направлены на запугивание, а не информирование.

ПОЗИТИВНАЯ ПРОФИЛАКТИКА

Позитивная, или **развивающе-ресурсная**, профилактика – это создание условий, при которых радикальные идеи становятся не нужны. Молодой человек в ней – активный субъект, которому предоставляют привлекательные, легальные способы удовлетворять свои базовые потребности.

Радикальные группы заманивают борьбой за справедливость возможностями проявить лидерство, обрести референтную группу, обрести смысл жизни. Позитивная профилактика дает то же самое, но без разрушительного насилия.

Устойчивость к радикализации –
это не когнитивный щит, а полнота жизни.

Инструментами позитивной профилактики могут выступать:

– Развитие критического мышления и эмоционального интеллекта;

– Формирование внутренней устойчивости, позитивной идентичности и внутреннего этического кодекса, помогающего предотвратить радикализацию;

– Наставничество и психологическая поддержка, формирование ресурсных коммуникативных сетей;

– Проектная деятельность, просоциальная активность, создание социальных лифтов;

– Создание позитивных сообществ;

– Позитивный контент, альтернативные нарративы, в том числе от лидеров общественного мнения.

В реальной практике эффективная профилактика – это комбинация, в которой превалирует позитивная,

но контролируемо включается и негативная профилактика как крайнее средство.

Негативная профилактика сдерживает уже опасные проявления, но не устраняет причин радикализации. Позитивная, напротив, работает с причинами, но менее эффективна, когда риск уже реализовался в действиях.

Баланс между позитивной и негативной профилактикой в работе с молодежью – это гибкая система приоритетов, где доминирует поддерживающая линия, а запретительные меры применяются точечно и на поздних стадиях.

Практически это означает, что большая часть усилий и ресурсов должны быть направлены на позитивную профилактику: создание привлекательной среды, развитие критического мышления, наставничество, проектную и волонтерскую деятельность. Негативная профилактика (блокировка контента, мониторинг, постановка на учет) при этом сохраняется как «аварийный тормоз», но ее включение требует четких критериев.

Конкретный механизм баланса можно описать через «ворота риска». На первичном уровне, когда подросток просто интересуется спорными темами или состоит в пабликах с радикальной эстетикой, но не призывает к насилию – запреты и учет только навредят. Вместо этого работают позитивные инструменты: доверительная беседа, предложение альтернативных сообществ, индивидуальный проект, где он может реализовать свою потребность в значимости. Если же молодой человек переходит к конкретным действиям,

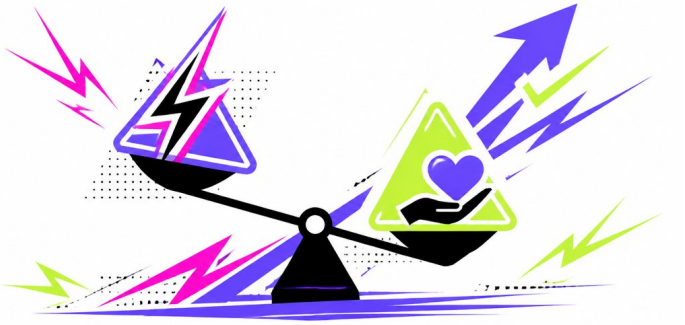
тогда включается ограниченный негативный компонент и баланс смещается в сторону правовых санкций, но даже тогда параллельно идет программа дерадикализации.

Еще один важный аспект баланса – цифровая среда. Просто блокировать радикальные сайты бесполезно и даже вредно. На каждый заблокированный ресурс должны приходиться десятки позитивных контр-нарративов от авторитетных блогеров, которые предлагают формат «вот тебе другая история, еще более крутая». Алгоритмы соцсетей можно использовать не только для выявления опасных пользователей, но и для таргетированной подачи альтернативного контента. В итоге негативная профилактика занимается удалением самой опасной верхушки айсберга, а позитивная – изменением течения, которое питает этот айсберг.

Ключевой принцип баланса можно сформулировать следующим образом:
«Наказание должно быть последним, а не первым инструментом, и даже тогда оно не заменяет поддержку».

Если молодой человек уже совершил правонарушение радикального характера, но не причинил серьезного вреда, ресоциализация и наставничество должны быть обязательным дополнением, а не альтернативой суду, хотя и исключительно судебное решение без применения всего инструментария третичной профилактики будет не столь эффективно.

Переход к позитивной доминанте означает изменение всей системы подготовки кадров, финансирования и, главное, мышления взрослых – от контроля к доверию. Без этого баланс останется лишь декларацией.

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОФИЛАКТИКИ РАДИКАЛИЗАЦИИ

Профилактика радикализации и вовлечения молодежи в противоправную, в том числе, экстремистскую активность – одна из самых сложных задач, стоящих перед специалистом сферы молодежной политики.

В общем виде реализация профилактической работы в данном направлении подразумевает учет сразу нескольких важных факторов:

Системность и преемственность (профилактика не может быть разовым мероприятием – необходима выстроенная долгосрочная программа с повторяющимися циклами, закреплением материала и плавным усложнением тем, иначе эффект быстро угасает).

Баланс позитивной и негативной профилактики (запреты и контроль не должны превалировать над формированием «внутреннего стержня», и в то же время их нельзя игнорировать).

Актуальность методов и методик профилактической работы (устаревшие форматы мероприятий могут свести к нулю эффект профилактики).

Учет возрастных и социально-психологических особенностей целевой группы (подход к 14-летним и к 25-летним разный: различаются каналы коммуникации, референтные фигуры, ведущая деятельность, уровень рефлексии – игнорирование этого делает методы неэффективными).

Вовлечение референтного окружения (влияние сверстников, родителей, значимых взрослых и лидеров мнений часто перевешивает влияние специалиста; без их подключения и обучения профилактика остается внешней и отвергаемой).

Открытость и доступность коммуникации (честный разговор с молодежью, общение на понятном молодежи языке дают гораздо больший эффект, нежели формальное мероприятие).

Смысловая составляющая проводимых мероприятий (мероприятие должно проводиться не для галочки или закрытия отчетов, а формировать у молодежи смыслы и базовые ценности).

Аутентичность специалиста, реализующего профилактическую деятельность (приверженность специалиста тем ценностям и смыслам, которые он несет аудитории).

Принцип «не навреди» и безопасность проведения (нельзя в ходе профилактики транслировать экстремистские лозунги даже для их разбора, провоцировать участников или выводить на деструктивные эмоции без последующей рефлексии; необходим жесткий этический и методический фильтр).

Мониторинг эффективности и обратная связь (отсутствие измеримых критериев и регулярного сбора реакции молодежи приводит к «имитации бурной деятельности» – необходимо оценивать реальные изменения в установках, а не количество проведенных мероприятий).

Важно помнить, что главная задача специалиста в русле профилактики радикализации молодежи – **«иммунизация»**, то есть «прививка» от любого деструктивного влияния. Такой прививкой может стать сформированное **антиэкстремистское сознание** (Шинкарук, Фантров, Соловьёва, 2021).

Антиэкстремистское сознание – это устойчивая система взглядов, ценностей и поведенческих установок личности, которая позволяет ей:

— распознавать экстремистскую идеологию и любое деструктивное влияние (призывы к насилию, национальную, религиозную или иную рознь);

— критически оценивать любую радикальную пропаганду;

— отвергать насилие как способ решения конфликтов;

— сохранять лояльность закону и уважение к многообразию культур, даже при несогласии с отдельными явлениями.

В этом русле ответом на возникающие вызовы становится разработка и внедрение на государственном и общественном уровнях конкретных, научно обоснованных технологий профилактики. Они варьируются от использования виртуальной реальности до масштабных образовательных онлайн-программ, охватывающих все аспекты безопасности личности в современном мире. Здесь приведены лишь некоторые, наиболее яркие.

VR-ТЕХНОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ

Одним из наиболее инновационных и перспективных направлений в области превентивной диагностики и коррекции является использование технологий виртуальной реальности (VR). Эта технология позволяет создать контролируемую и безопасную среду для моделирования ситуаций, связанных с риском радикализации, и оценки поведенческих реакций молодого человека. Как отмечают эксперты Института права и национальной безопасности (ИПНБ, 2025) РАНХиГС, VR-технологии активно применяются для изучения восприятия молодежью собственных ценностей и убеждений. Погружая

участника в виртуальную среду, специалисты наблюдают за его реакциями на различные провокационные стимулы и выявляют когнитивные и эмоциональные уязвимости, которые могут сделать его мишенью для вербовщиков.

В связке с VR-диагностикой идет другая технология – психологический профайлинг. Это метод составления психологического портрета человека на основе анализа его вербального и невербального поведения для оценки склонности к определенным формам активности, в том числе к восприятию экстремистских идей. В контексте профилактики профайлинг позволяет выявлять индивидов из «группы риска» еще до того, как они попадут под прямое влияние радикальных сообществ. Как подчеркивают специалисты, универсальной методики для эффективной психодиагностики не существует, поэтому необходим комплексный междисциплинарный подход, включающий регулярный социально-психологический мониторинг и вовлечение молодежи в профилактическую и воспитательную работу (Преподаватели ИПНБ..., 2025).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Ключевую роль в долгосрочной профилактике радикализации играет система образования. Здесь акцент смещается с простого информирования о запретах на формирование у молодежи устойчивого иммунитета к деструктивным идеологиям.

Эффективным инструментом становятся образовательные технологии, направленные на развитие культуры диалога, толерантности и критического мышления. Такой подход позволяет не только диагностировать проблему, но и в процессе диалога искать ответы на сложные вопросы, волнующие молодежь, «выводя аудиторию на уровень социального оптимизма» (Зубова, 2015). Цель – воспитать личность, способную к рефлексии, анализу информации и осознанному выбору, что делает ее невосприимчивой к радикальной пропаганде.

Подобные образовательные технологии постепенно получают распространение в различных регионах России. В качестве иллюстрации данной технологии можно привести образовательно-просветительский интенсив «Контент-навигатор» (Республика Мордовия), ставший победителем грантового конкурса. Его концепция созвучна задачам, которые решаются и в нашем регионе: формирование у молодежи устойчивого неприятия идеологии терроризма и экстремизма, развитие критического мышления и медиаграмотности через создание собственного профилактического контента (Учащиеся Кочкуровской СОШ...,

2025). Например, в рамках проекта студенты и школьники не просто слушают лекции об угрозах, но и сами создают инфографику, макеты социальной и печатной рекламы. Такой деятельностный подход является мощной технологией «иммунизации», превращая молодого человека из пассивного объекта профилактики в активного субъекта, транслирующего позитивные ценности в своей среде.

Основные направления и принципы организации образовательной профилактической работы с целью разрешения актуальных задач в русле противодействия радикализации молодежи представлены ниже.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ

Цель работы: сформировать у молодых людей ясное понимание юридических границ дозволенного, ответственности за экстремистскую деятельность и умение защищать свои права правовыми способами без перехода к радикальным действиям.

На что важно обратить внимание:

→ Формирование правовой грамотности – это не просто перечисление статей, а демонстрация причинно-следственной связи: **действие → фиксация → юридические последствия → последствия для жизни**.

Эффективность данной работы существенно повышается, если при проведении мероприятий использовать примеры из реальной жизни и практики (разбор кейсов).

→ Важно сделать акцент на безопасность в сети интернет: ответственность за публикации, комментарии, репосты, участие в закрытых каналах.

→ Также важно информировать о легальных механизмах воздействия (петиции, общественные обсуждения, участие в деятельности общественных организаций) как альтернативе насилию.

Возможные форматы мероприятий:

– Деловые и ролевые игры;

– Интерактивные правовые квизы и кейс-чемпионаты;

– Встречи с экспертами, представителями силовых структур и ведомств (в формате открытого диалога);

– Создание информационных памяток (короткие видео/карточки для социальных сетей);

– Иммерсивные квесты с элементами расследования.

ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Цель работы: развить у молодежи способность анализировать любую поступающую информацию, выявлять логические и фактические ошибки, распознавать манипуляции и делать взвешенные выводы без эмоциональных крайностей.

На что важно обратить внимание:

→ Мероприятия должны иметь максимальную практическую направленность (например, обучение базовым логическим приемам: выявление причинно-следственных подмен, ложных аналогий, аргументов к страху или ненависти).

→ Аналогично предыдущему направлению работы (формирование правовой грамотности) при проведении мероприятий необходимо использовать живые примеры (например, применение понятий «фейк», «пропаганда», «манипуляция» к конкретным текстам и роликам, в том числе экстремистским, но без воспроизведения лозунгов).

→ Разбор типовых уловок вербовщиков: дихотомия «мы – они», поиск врага, навешивание ярлыков, апелляция к справедливости – существенно повысит эффективность профилактики радикализации.

Возможные форматы мероприятий:

– Лаборатории критического мышления;

– Дебаты и дискуссионные клубы;

– Анализ контента социальных сетей;

– Разработка молодежью памяток по работе с информацией, противодействию вербовке, манипуляциям, правилам поведения в сети интернет и пр.

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К ДЕСТРУКТИВНЫМ ВЛИЯНИЯМ

Цель работы: укрепить эмоционально-волевую сферу молодого человека так, чтобы он не поддавался на провокации, вербовку и давление, сохранял самообладание в конфликтах и не искал у радикалов иллюзорного «чувства защищенности».

Возможные форматы мероприятий:

– Тренинги эмоциональной компетенции, ассертивности;

– Игровые форматы профилактической работы;

– Группы поддержки для подростков группы риска;

– Тематические занятия с элементами арт-терапии;

– Индивидуальные и групповые консультации психолога;

– Работа телефона доверия;

– Наставничество.

На что важно обратить внимание:

→ Развитие стрессоустойчивости и способности справляться с чувством несправедливости без агрессии.

→ Формирование уверенного отказа: умение сказать нет на предложение вступить в группу, сделать репост, выйти на акцию.

→ Работа с потребностью в принадлежности: показывать, что здоровые группы (спорт, творчество, волонтерство) дают принятие без разрушительных ритуалов.

Предложенные технологии также важно дополнять техниками саморегуляции.

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ЦИФРОВАЯ ГИГИЕНА

Поскольку значительная часть процесса радикализации переместилась в интернет-пространство (социальные сети, мессенджеры, игровые платформы), технологии профилактики должны работать и в цифровой среде. В ответ на эти вызовы были запущены проекты, направленные на повышение цифровой грамотности и формирование навыков «цифровой гигиены».

Наиболее показательным примером является совместный проект издательского дома «Аргументы и факты» и МВД России

под названием «Не попасть в сеть» (2026). Этот проект, созданный при поддержке Института развития интернета, ориентирован на молодых людей 17-24 лет и учит их распознавать угрозы в интернете, обнаруживать токсичный контент и противостоять манипуляциям вербовщиков. На сайте проекта в доступной форме представлены основные киберугрозы и даны пояснения, как понять, что тебя атакуют, и вовремя уйти (Не попасть..., 2026). Технология воздействия здесь заключается в создании адаптированного под молодежную аудиторию контента (интервью с экспертами, аудиоподкасты, документальные фильмы), который не запугивает, а вооружает знанием конкретных приемов и схем, используемых преступниками.

РАЗВИТИЕ МЕДИАГРАМОТНОСТИ

Цель работы: обучить молодежь безопасному и осознанному поведению в информационной среде, способности распознавать деструктивный контент, верифицировать источники и защищать свои личные данные от использования вербовщиками.

На что важно обратить внимание:

→ В рамках мероприятий сделать акцент на разбор рекомендательных алгоритмов и других особенностей подачи информации в социальных сетях (например, воронка радикализации).

→ Формировать у молодежи четкое понимание механизмов вербовки и манипуляций в интернете.

→ Обучение настройкам приватности, блокировке, жалобам на опасный контент.

→ Обучение созданию позитивного просоциального контента.

Возможные форматы мероприятий:

– Тренинги по информационной безопасности и цифровой гигиене;

– Школы цифровой грамотности;

– Разбор скриншотов реальных диалогов с вербовщиками (без ссылок, в учебных целях);

– Создание конструктивного молодежного контента (например, социальных роликов);

– Квесты по фактчекингу;

– Молодежное социальное проектирование в сфере медиаграмотности (исследования, мероприятия, наставничество «равный-равному»).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Помимо образовательных форматов важнейшим направлением профилактики радикализации выступают социокультурные технологии, ориентированные на организацию досуга и работу с молодежными сообществами. Они позволяют удовлетворять характерные для подросткового и юношеского возраста потребности в признании, принадлежности, новизне и риске в социально приемлемых формах, снижая тем самым привлекательность экстремистских групп и деструктивных практик.

РАБОТА НА АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ДОСУГ И ПРОСОЦИАЛЬНУЮ САМОРЕАЛИЗАЦИЮ

Цель работы: создать привлекательную, статусную и эмоционально насыщенную среду, где молодежь может удовлетворить свои потребности в признании, приключениях, справедливости и принадлежности.

На что важно обратить внимание:

→ Экстремизм часто выбирают от скуки, невключенности и отсутствия видимых достижений, поэтому важно предлагать конструктивную альтернативу.

→ Важный акцент – формирование «героев нашего времени», в том числе из числа сверстников (волонтеры, спортсмены, блогеры) без националистического уклона.

→ Досуг должен давать молодому человеку чувство потока, драйва и социальной полезности одновременно.

→ Важно использовать сочетание локального действия (благоустройство района, помощь пожилым) с глобальной значимостью (эко-акции, благотворительные марафоны).

Возможные форматы мероприятий:

– Спортивные турниры;
– Творческие конкурсы;
– Мероприятия, где молодежь может высказываться через искусство (например, квартирники);
– Уличные фестивали на нейтральных площадках;
– Волонтерские слеты и экспедиции;
– Проектные школы;
– Молодежные стартапы.

РАБОТА С НЕФОРМАЛЬНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ МОЛОДЕЖИ

Цель работы: установить диалог и доверительные отношения с уже существующими неформальными группами, чтобы перенаправить активность в конструктивное русло и предотвратить радикализацию изнутри.

На что важно обратить внимание:

→ Не запрещать и не клеймить неформалов – это уводит в подполье. Выходить на контакт через уважение к их интересам (музыка, спорт, хобби).

→ Работа с неформальными лидерами – включение их в общественные советы, совместная организация мероприятий. Этим мы наделяем их легитимным статусом и переводим в конструктивное русло взаимодействия с государственными структурами.

→ Отделять интересы от идеологии: любители тяжелой музыки не экстремисты, но, если появляются деструктивные лозунги, их необходимо мягко корректировать.

→ Хороший профилактический эффект дает трансформация опасных практик (например, вместо ночных уличных сходок мы можем предложить организованные паблик-токи или спортивные соревнования между районами).

Возможные форматы мероприятий:

– Социальное патрулирование;

– Клубы неформальных лидеров;

– Совместные проекты (например, благоустройство скейт-парка или дома культуры руками неформалов);

– Переговорные площадки, встречи представителей разных объединений с администрацией на равных;

– Поддержка молодежных инициатив.

ТЕХНОЛОГИИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ КАК СИСТЕМА

Успешное противодействие радикализации невозможно без слаженной работы на местах. В образовательных организациях России внедряются технологии, интегрирующие в себе лучшие практики выявления рисков и профилактики деструктивных форм поведения.

Согласно исследованиям, наиболее эффективными из них являются программы медиаобразования, воспитания толерантности и межкультурного диалога, а также психологические тренинги, направленные на развитие критического мышления. При этом специалисты настаивают на комплексном подходе: успешная профилактика требует тесной связи между образовательными учреждениями, семьями и органами власти, а также внедрения единых методических рекомендаций (Губанов, Сметанкина, 2024).

Практическим примером такой интеграции является деятельность Координационных центров по противодействию идеологии терроризма и экстремизма, которые создаются на базе ведущих вузов страны. Эти центры становятся площадками для обмена опытом и распространения лучших практик, как, например, окружной семинар, прошедший в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна (СПбГУПТД, 2024). На таких мероприятиях вырабатываются стратегии межведомственного взаимодействия, обсуждаются конкретные форматы работы со студентами и разрабатываются планы профилактической деятельности на местах, что в конечном итоге формирует единую систему безопасности в молодежной среде.

В условиях тесного межведомственного сотрудничества возникают дополнительные технологии разрешения профилактических задач в русле противодействия радикализации молодежи.

ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Помимо вышеперечисленного, успех любой профилактической технологии напрямую зависит от квалификации людей, которые ее реализуют. Понимая это, государство инициировало создание системных программ обучения для специалистов, работающих с молодежью. Ключевым проектом в этой сфере является онлайн-программа «Безопасная молодежная среда», разработанная Федеральным агентством по делам молодежи (Росмолодежь) совместно с ведущими экспертами и НКО[14].

[14] https://безопасная-молодежная-среда.рф

Эта программа представляет собой полноценную технологию «обучения учителей». Она состоит из 9 модулей, охватывающих весь спектр профилактической работы: от противодействия идеологии терроризма и информационной безопасности до профилактики девиантного поведения и социального проектирования. В дополнение к этому были разработаны специализированные модули, например, по профилактике распространения неонацизма и национализма. В рамках этих курсов слушатели получают не только теоретические знания о механизмах вербовки, но и конкретные инструменты для выявления ранних признаков радикализации и ведения просветительской работы с молодежью, в том числе в новых регионах России. По итогам обучения слушатели получают удостоверение о повышении квалификации государственного образца, что подчеркивает серьезность и системность данного подхода.

ТЕХНОЛОГИИ ЦЕНТРА «КОНТАКТ»

Вся профилактическая деятельность Центра «КОНТАКТ» основывается на теоретических подходах, научных разработках, результатах социологических исследований и опыте проводимых практико-ориентированных проектах и открытых событий для молодежи, нашедших отражение и в данном методическом пособии.

Работая в поле профилактики девиантного поведения, Центр «КОНТАКТ» уделяет значительное внимание курсам повышения квалификации для специалистов молодежной политики и является универсальным центром консолидации методических разработок и практически реализуемых проектов. Ознакомиться подробнее с ними можно в библиотеке на сайте Центра[15].

Так, следует подчеркнуть, что профилактика экстремизма и радикализации молодежи не сводится ни к запретительным лекциям, ни к разовым акциям. Это системный, живой и долгосрочный процесс, который требует от специалиста по молодежной политике умения одновременно удерживать несколько ключевых направлений работы.

[15] https://profcenter.spb.ru/category/библиотека/

С одной стороны, это формирование правовой грамотности, критического мышления и психологической устойчивости, которые обеспечивают «внутренний иммунитет» молодого человека к любым формам деструктивной идеологии.

С другой – развитие медиаграмотности и навыков цифровой безопасности, позволяющих распознавать и защищаться от манипулятивного и экстремистского воздействия в информационной среде, где сегодня во многом проходит борьба за умы.

Но даже самый сильный «иммунитет» не будет работать в вакууме. Поэтому третьей гранью становится живая альтернатива – просоциальный досуг, возможности для самореализации и статусного признания без ненависти, а также честный диалог с теми, кто уже находится в неформальных объединениях, без клеймения, но с четкими ценностными ориентирами.

Наконец, даже наиболее продуманная система мер остается малоэффективной в отсутствие подготовленных специалистов, ответственных за их реализацию в различных учреждениях и выстраивание устойчивого межведомственного взаимодействия.

И самое главное, что важно помнить:

Профилактика – это не «война» с молодежью, а инвестиция в ее способность делать осознанный выбор в пользу созидания, а не разрушения.

В этой работе важнее не напугать, а **увлечь**;
не изолировать, а **предложить лучшее**;
не читать мораль, а **быть тем самым подлинным взрослым, чьи слова не расходятся с делом**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный молодежный экстремизм и радикализация в цифровую эпоху требуют от специалистов сферы молодежной политики иной оптики и иных инструментов работы. Невозможно ограничиться разовыми акциями или исключительно запретительными мерами: эффективная профилактика строится на системном понимании факторов риска, раннем выявлении маркеров радикализации и создании поддерживающей среды, в которой у молодого человека появляется выбор в пользу конструктивных сценариев.

Представленные в методическом пособии подходы – от теоретического осмысления феномена радикализации до средовой модели и конкретных инструментов первичной, вторичной и третичной профилактики – нацелены на то, чтобы сделать эту работу более осознанной и адресной. Центральное место в этой системе занимает не контроль сам по себе, а формирование антиэкстремистского сознания, развитие критического мышления, психологической устойчивости и позитивной идентичности, поддержка семьи и включение значимых взрослых в жизнь подростка.

Баланс между позитивной и негативной профилактикой в работе с молодежью должен смещаться в сторону поддержки, доверия и создания возможностей, при сохранении точечных правовых и организационных мер как «аварийного тормоза» на поздних стадиях риска. От того, насколько последовательно специалисты будут видеть в подростке не «потенциального нарушителя», а субъекта развития, зависит, станет ли профилактика экстремизма формальной обязанностью или реально работающим ресурсом защиты молодых людей и общества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности».
2. Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 17.11.2025 N 420-ФЗ«О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».
4. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации».
5. Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму / Федеральная служба по финансовому мониторингу [Электронный ресурс]. URL: /https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act (дата обращения 20.04.26)
6. Афанасьева Р. М. Социокультурные условия противодействия экстремизму
в молодежной среде (социально-философский анализ): дисс... канд. философ. наук: 09.00.11. М., 2007. С.10.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
8. В список террористов внесли подростка 2011 года рождения [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://clck.ru/3TCrJF (дата обращения 20.04.26).
9. В СПбГУПТД представили лучшие практики по профилактике радикализации молодежи. [Электронный ресурс] // 2024. URL:https://stud.ru/novosti_i_obyavleniya/announces/24762/?ysclid=ly0en0a79k462522203 (дата обращения 15.04.2026).
10. Виртуальная социализация молодежи: деструктивные модели поведения. Методическое пособие для специалистов сферы молодежной политики / Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». Ижевск: ООО «Принт», 2023. 228 с.
11. Губанов В.М., Сметанкина Л.В. Технологии противодействия экстремизму в образовательной среде: специфика реализации, 2024. Т. 14. № 6-1. С. 217–226.
12. Гурина, О.Д., Ремеева, А.Ф. Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) // Психология и право, 2024. 14(3). С. 1–12.
13. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика 2017. Том 14. № 1. С. 78—97.
14. Деструктивные тенденции в информационном пространстве. Методическое пособие для специалистов сферы молодежной политики // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». Воронеж: ООО «СЛАВЯНОЧКА», 2025. 39 с.
15. Зубова О.Г. Образовательные технологии в профилактике экстемизма и формировании толерантного сознания молодежи // Политика, экономика, культура, 2015. № 2 (43). С. 143–149.
16. Исследование Mediascope Cross Web: мобайл и десктоп, население 12+, октябрь 2025 г. Социальные сети, блоги и видеохостинги [Электронный ресурс] // Mediascope. URL: https://clck.ru/3TCgmy (дата обращения: 20.04.2026).
17. Коленченко А.Н. Расследование вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность экстремистского характера: междисциплинарный подход к анализу причин, факторов риска и методов противодействия // Молодой ученый, 2025. № 23 (574).

18. Коновалов И.А. Радикализация молодежи: основные модели и профилактика. Зарубежный опыт // Психология и педагогика служебной деятельности. 1/2021. С. 36-42.

19. Красиков В.И. Цифровые технологии и радикализация в социальных сетях // Credo New, 2023. № 2 (114).

20. Красинский В.В. Ресоциализация (дерадикализация, реабилитация и реинтеграция лиц), возвращенных из зон вооруженных конфликтов // Современное право, 2021. № 8. С. 102-113.

21. Кручинин В.А., Комарова Н.Ф. Психология развития и возрастная психология: учебн. пос. для вузов // Нижегор. гос. архитектур.- строит. ун-т. Н. Новгород: ННГАСУ, 2016. 219 с.

22. МВД определило признаки влияния экстремизма на подростков [официальный сайт ВГТРК] // Вести.ru. URL: https://www.vesti.ru/article/4698006 (дата обращения 14.04.2026).

23. Названо число нападений на образовательные учреждения в РФ с начала года [Электронный ресурс] // Газета.Ру. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2026/04/10/28241659.shtml (дата обращения 28.04.26)

24. Налетова Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. Возможности оценки риска радикализации в подростковой и молодежной среде в рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга (эмпирическая проверка) // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Том 3. №4. С. 25-40.

25. Наставничество в профилактической работе с молодежью. Методическое пособие для специалистов сферы молодежной политики // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». Воронеж: ООО «СЛАВЯНОЧКА», 2025. 40 с.

26. Не попасть в сеть: для молодежи запустили спецпроект по цифровой гигиене. [Электронный ресурс] // 2026. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2972336 (дата обращения 15.04.2026)

27.Овчаренко Л.Ю., Морозова Т.Ю. Психологические маркеры для выявления особенностей поведения детей и молодежи, склонных к агрессии и положительному восприятию идей экстремизма, терроризма и насилия // Журнал педагогических исследований, 2025. Том 10. №2.

28. Овчаренко Л.Ю., Морозова Т.Ю. Чек-листы для психологов системы образования для наблюдения и мониторинга детей и молодежи, склонных к агрессии, положительному восприятию идей экстремизма, терроризма и насилия // Журнал педагогических исследований, 2025. Том 10. №3.

29. Пазухина, С.В. Психологические основы психолого-педагогической профилактики экстремизма и протестного поведения в молодежной среде // Психология и право, 2023. 13(2). С. 206–223.

30. Полушина М.Д. Социально-психологические предикторы формирования склонности к экстремистским установкам у молодежи // Московский государственный психолого-педагогический университет, 2025. Т. 2. №4. С. 52-68.

31. Правовые, психологические и образовательные средства противодействия экстремизму и терроризму в молодежной среде : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Е. Н. Атарщикова [и др.]. // Ставрополь : ГБОУ ВО СГПИ, 2017. 157 с.

32. Преподаватели ИПНБ поделились опытом профилактики экстремизма среди молодежи на научно-практической конференции ФСБ России. [Электронный ресурс] // 2025. URL: https://ilns.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=10166&special=N дата обращения 16.04.2026)

33. Просветительская работа по защите и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // М.: Издание Государственной Думы, 2024. 112 с.

34. Профилактика экстремизма в подростковой и молодежной среде. Методические рекомендации / под ред. К.В. Булавкина // М., 2014.
35. Профилактика экстремизма и воспитание толерантности в молодежной среде: Информации-онно-методический сборник / под ред. д.пед.наук О.Л. Подлиняева // Иркутск, 2018. 40 с.
36. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: индивидуальные жизненные кризисы; агрессия и экстремизм: учебник. СПб., 2016. 445 с.
37.Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник / под ред. Н. С. Хрусталёвой // СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 748 с.
38. Редакция «АиФ» вместе с МВД представила спецпроект «Не попасть в сеть». [Электронный ресурс] // 2026. URL: https://news.ru/amp/society/redakciya-aif-vmeste-s-mvd-predstavila-specproekt-ne-popast-v-set (дата обращения 15.04.2026).
39. Учащиеся Кочкуровской СОШ узнали об уневерситетском антитеррористическом и антиэкстремистском медиапроекте «Content-навигатор». [Электронный ресурс] // 2025. URL: https://mrsu.ru/ru/university/institute/inc/news/uchashchiesya-kochkurovskoy-sosh-uznali-ob-unevrsitetskom-proekte-content-navigator-67388 (дата обращения 16.04.2026)
40. Шинкарук В.М., Фантров П.П., Соловьёва Н.А. Формирование антиэкстремистского сознания российской молодежи как приоритетное направление профилактики политического экстремизма // Право и практика, 2021. №3.
41. Экосистема профилактики асоциальных явлений среди молодежи. Методическое пособие для специалистов сферы молодежной политики // Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». Воронеж: ООО «Строки», 2024. 114 с.
42. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ./ Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. // М.: Издательская группа "Прогресс", 1996. 344 с.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Библиотека СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»

УЧЕБНИК: Психология кризисных и экстремальных ситуаций

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ: Правовые, психологические и образовательные средства противодействия экстремизму и терроризму в условиях глобализации

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ОНЛАЙН-ПРОЕКТ: «Безопасная молодежная среда» (Федеральное агентство по делам молодежи «Росмолодежь»)

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ: Профилактика и противодействие экстремизму в молодежной среде (Минспорттуризм России, МВД России, ФСБ России)

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ: Профилактика экстремизма в подростковой и молодежной среде (опыт практической деятельности муниципальных органов, Московская область)

СТАТЬЯ: «Социально-психологические предикторы формирования склонности к экстремистским установкам у молодежи»

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ: «Психодиагностика толерантности личности»

ЧЕК-ЛИСТЫ: Психологам для наблюдения и мониторинга детей и молодежи, склонных к агрессии, положительному восприятию насилия

МЕТОДИКА: «Диагностика диспозиций насильственного экстремизма»

Радикализм – бескомпромиссная приверженность крайним взглядам и способам действия, основанная на отрицании действующих общественных норм и готовности или стремлении допускать резкие, в том числе насильственные, изменения существующего общественного и государственного порядка, вплоть до посягательства на основы конституционного строя и территориальную целостность государства.

Экстремизм – приверженность крайне радикальным взглядам и мерам, которая выражается в отрицании существующих общественных норм и проявляется в поддержке или совершении действий, связанных с насильственным изменением основ конституционного строя, нарушением территориальной целостности, разжиганием розни и иными формами подрыва общественных норм и безопасности.

Терроризм – форма экстремистской деятельности, при которой насилие, запугивание и создание атмосферы страха используются как способ воздействия на население, органы власти или международные организации в целях достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей.

Радикализация – поэтапный процесс формирования и усиления радикальных, бескомпромиссных убеждений и установок, сопровождающийся обострением политических взглядов и поведения и способный привести к оправданию или поддержке насильственных и иных противоправных действий.

Группа риска – совокупность лиц, для которых по сочетанию индивидуально-личностных, семейных, социальных и средовых факторов существенно повышена вероятность формирования деструктивных установок и вовлечения в деструктивное, в том числе экстремистское, поведение по сравнению с большинством сверстников.

Маркер радикализации – внешний или внутренний признак (в речи, поведении, самопрезентации, окружении, онлайн-активности), указывающий на возможное формирование радикальных убеждений и повышенный риск вовлечения в экстремистскую деятельность.

Вербовка (вовлечение) – целенаправленная деятельность по привлечению человека в экстремистскую или террористическую группу с помощью манипуляций, давления, эксплуатации его уязвимостей и потребности в принадлежности.

Дерадикализация – целенаправленная деятельность по ослаблению или изменению радикальных убеждений и практик, включающая выход человека из деструктивной среды и формирование альтернативной просоциальной идентичности.

Противодействие экстремизму – деятельность органов государственной власти, организаций и граждан, направленная на предупреждение, выявление, пресечение и расследование экстремистских проявлений, минимизацию их последствий, а также на выявление и устранение причин и условий, способствующих их возникновению.

Профилактика (в сфере противодействия экстремизму) – система мер, направленных на предупреждение формирования факторов риска, снижение вероятности вовлечения молодежи в деструктивное, в том числе экстремистское, поведение и поддержку условий, способствующих сохранению безопасного и просоциального образа жизни.

Негативная профилактика – профилактическая деятельность, основанная преимущественно на запретительных, карательных и ограничительных мерах (запрет контента и организаций, санкции, учет), направленных на сдерживание уже опасных проявлений и предотвращение совершения правонарушений, в том числе экстремистской и террористической направленности.

Позитивная профилактика – профилактическая деятельность, направленная на развитие ресурсов и возможностей молодежи, в том числе на формирование ценностей, критического мышления, психологической устойчивости, создание просоциальной среды, альтернативного досуга и социальных лифтов, при которых радикальные идеи и деструктивные группы теряют субъективную привлекательность.

Инструменты профилактики радикализации – формы работы с молодежью (образовательные программы, просветительские и социокультурные проекты, цифровые сервисы, наставничество и др.), направленные на снижение влияния радикальной пропаганды, укрепление просоциальных установок и предотвращение вовлечения в деструктивные, в том числе экстремистские, практики.

Просоциальная среда – совокупность реальных и виртуальных пространств, в которых молодежь получает поддержку, признание и возможности развития через социально одобряемые формы активности (учеба, труд, творчество, спорт, добровольчество и т.п.), что снижает привлекательность участия в деструктивных группах.

Антиэкстремистское сознание – устойчивая система взглядов, ценностей и поведенческих установок личности, позволяющая распознавать экстремистскую идеологию, критически оценивать радикальную пропаганду, отвергать насилие как способ отстаивания собственных интересов и сохранять лояльность закону и принципам уважения к многообразию.

Медиаграмотность – совокупность знаний и навыков, обеспечивающих критическое восприятие медиаконтента, умение проверять источники информации, распознавать манипуляции, фейки и пропаганду.

Цифровая гигиена – система навыков безопасного и ответственного поведения в цифровой среде, включающая защиту личных данных, настройку приватности, грамотное обращение с контентом и умение реагировать на деструктивные материалы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Мониторинг виртуального пространства (на примере личной страницы в социальной сети)

В качестве примера рассматривается личная страница в социальной сети «ВКонтакте»[16], поскольку интерфейс данной платформы позволяет проанализировать больше характеристик аккаунта в сравнении с Telegram.

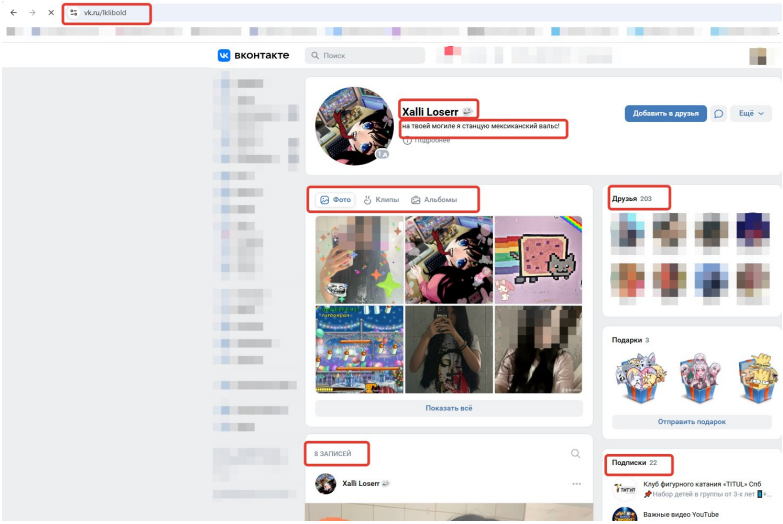

Рис. 1. Снимок экрана страницы пользователя, изучаемой в качестве примера.

• Адрес страницы пользователя: на рис.1 представлен адрес аккаунта «lklibold», отсылающий к массовому нападению в школе «Колумбайн» в США, которое совершили Дилан Клиболд и Эрик Харрис.

• Имя пользователя. на рис.1 представлено имя пользователя «Xalli Loserr», что является отсылкой к движению «Колумбайн»: Xalli (Халли) – это прозвище Д. Клиболда, происходит от сокращения его ника в компьютерных играх и личных записях. Loserr (Лузер) – это прозвище Э. Харриса, оно отсылает к его ощущению себя как социального аутсайдера. Харрис использовал это слово в своих дневниках и на своем сайте, иронично принимая роль «неудачника», который в итоге

[16] Платформа VK.

«одержит победу». В среде «колумбайнеров» использование этого имени – способ выразить симпатию к данным личностям.

• Статус. Проверяем на цитаты и симптоматику дискурса. На рис.1 представлен статус: «на твоей могиле я станцую мексиканский вальс!» – это цитата из дневника Э. Харриса. В оригинале она звучит так: «I will dance a Mexican waltz on your grave». В контексте его записей эта фраза выражала крайнюю степень ненависти и триумфа над теми, кого он считал своими врагами.

• Раздел личной информации, которую пользователь указывает о себе. Так, на рис.2, мы видим следующую информацию: в разделе «интересы» пользователь указал: «СИНЯВИНО, ШНАПС, ДАМЫ, КАРТЫ, ИКРА, СИГАРЫ! Das Drittereich, структура и развитие Waffen SS, ВСЕ О ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ, Adolf Hitler», а одним из любимых фильмов указал «СКИНЫ».

Кроме того, в разделе информации, указанной в разделах «любимые игры» и «о себе» у пользователя просматривался буквенно-номерной код «1488», а также изображения, сходные до степени смешения в виде руна «зиг» (символ SS (Schutzstaffel), элитных военизированных формирований нацистской Германии).

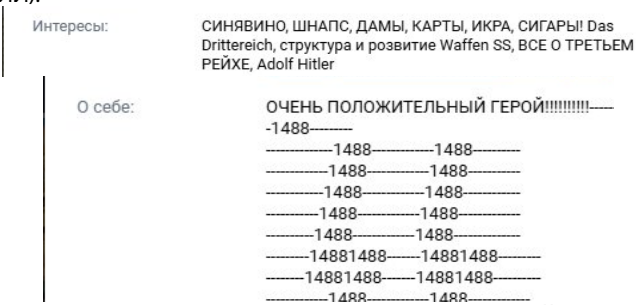

Рис. 2. Снимок экрана раздела личной информации со страницы того же пользователя.

• Друзья. В данном случае нет показательной информации;

• Подписки. Например, у данного пользователя представлены популярные для определенного пользователя сообщества, которые в совокупности формируют блок «пацанской эстетики» и праворадикальный дискурс, потребление подобного контента в некоторых случаях может сформировать одобрительное отношение к экстремистским проявлениям, а возможно и переход к ним. Кроме того, представлен пример подписки на заблокированное сообщество под названием «Цитаты Скина»[17]:

[17] Данный материал заблокирован на территории Российской Федерации

• Фотографии, видеозаписи, аудиозаписи, репосты/публичные записи.

— на рис.3 представлен плейлист под названием «Для Махача», в оформлении демонстрируется оружие и коловрат (символ, представляющий собой восьмилучевую правостороннюю или левостороннюю свастику, считается сходным с нацистской символикой до степени смешения и активно используется в радикальных кругах). Но самое важное здесь, это наличие в плейлисте исполнителей[18], некоторые аудиозаписи которых включены в Федеральный список экстремистских материалов. Так, пользователь может демонстрировать в публичном пространстве экстремистские материалы.

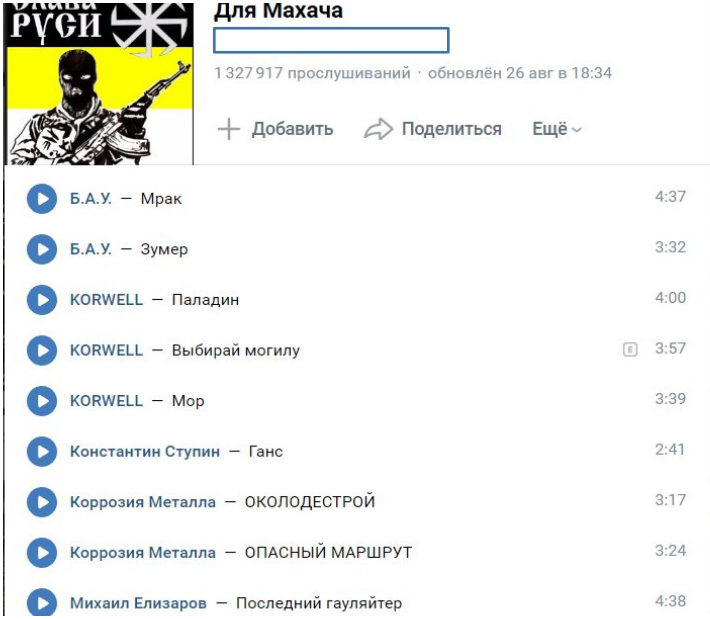

Рис. 3. Снимок экрана раздела плейлиста со страницы того же пользователя.

на основании решения суда/уполномоченного федерального органа исполнительной власти (Останкинский районный суд – Москва) от 14.10.2024 № 2а-1293/2024.

[18] Например, аудиозапись «Скинхед», исполнитель «Коррозия Металла» включена в Федеральный список экстремистских материалов № 2797 (решение Первомайского районного суда г. Владивостока от 21.01.2015).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Расширенная галерея символики и маркеров

Примеры маркеров радикализации взглядов индивида из виртуального и реального пространств[19]:

Таблица 1. Речевые маркеры в дискурсе скулшутинга.

Категория	Примеры
О скулшутерах (романтизация и героизация)	Боги, герои, Дил и Эр, Оноприенко, керченский стрелок, обычный русский парень, Галявиев бог, святой, Эрик Харрис (Eric Harris), Дилан Клиболд (Dylan Klebold), Дилан Руф (Dylann Storm Roof), Томас Тиджей Лейн (T.J. Lane), Адам Лэнза (Adam Peter Lanza), Владислав Росляков, Данил Засорин, Пекка-Эрик Аувинен, Кип Кинкл, Бренда Спенсер, Джеффри Уиз, Эван Рамси, Михаил Пивнев, Ильназ Галявиев, Тимур Бекмансуров, Владислав Струженков, Артем Казанцев, Матти Саари, Марк Лепин, Люк Вудхэм, Сальвадор Рамос, Алина Афанаскина, Коста Кецманович, Одри Хейн, Давид Козак, Лев Биджанов, Антон Бичивин, Девон Эриксон, Гильерме Монтейру, Чо Сын Хи, Тим Кречмер, Сергей Гордеев, Николас Круз, Дилан Батлер, Димитриос Пагуртзис, Калеб Шарп, Джесси Осборн, Джейлен Фрайберг, Джаред Пэджетт, Альваро Кастильо, Джеффри Джемс Вайз, Чарльз Эндрю Уильямс, Итан Крембли, Артем Тагиров, Александр Буслидзе, Тимофей К., Брентон Таррант
Об эмоциях, состоянии и намерениях	хейт, лайк мен, люблю людей, эмоциональная стабильность, ненависть, pathetic, жалкий, ненависть, ненавижу, начинаю расстрел в школе, устрою Керчь 2.0, взорву школу, готовлю взрывчатку, чтобы отомстить
Специфические маркеры и отсылки	селекция, реб-водка, Естественный отбор, Ненависть, Hate, гнев, NBK, Natural Born Killers, natural selection, ich bin gott, angels, reb and vodka, ненависть Росляков, 1488, 2083, Керчь18, I Don't Like Mondays, ненавижу понедельник, NLM, No lives matter[20]

[19] Экстремистские материалы [Электронный ресурс] // Министерство юстиции РФ.

[20] В различных вариациях, иногда цифры могут быть разделены чертой 14/88, иногда смешаны с иными символами. Число 1488 включено в Федеральный список экстремистских материалов в различных вариациях, присутствует во многих экстремистских материалах.

Рис. 4-8. Примеры романтизации, героизации и оправдания насилия, в частности – преступления скулшутера В. Рослякова.

Примеры романтичных образов В. Рослякова:

В данной зарисовке образ В. Рослякова дополнен визуальными деталями, смягчающими восприятие личности преступника, наделяющими его привлекательными чертами (сердечки, котенок, эмоционально теплый заботливый текст).

Примеры героизации – описание скулшутера как «легенды» и «вдохновителя»:

Пример попытки придать оправданность мотивации скулшутера:

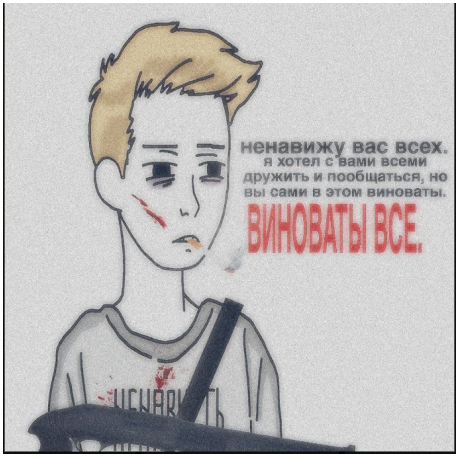

Рис. 9. Внешний вид современного типичного городского жителя, ранее соответствовавший внешнему виду участников правых движений.

Рис. 10. Атрибутика незарегистрированной партии «Другая Россия Э.В. Лимонова».

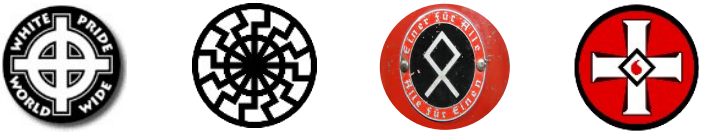
Рис. 11-15. Вариации используемой леворадикальной символики.

Слева направо:

- *символ объединения коммунистов и анархистов, один из флагов анархо-синдикализма;*
- *символика «Фракции Красной Армии», немецкой леворадикальной террористической организации;*
- *анархистский черный крест.*
- *знак анархии;*
- *вариация герба СССР может использоваться и в радикальных сообществах.*

Рис. 16-19. Вариации используемой праворадикальной символики.

- *в центре виден Кельтский крест: изображение в виде квадратного креста, сцепленного с кругом или окруженного им. Этот часто используемый символ сторонников превосходства «белой расы» берет происхождение от норвежских нацистов 1930-40х гг.*

В данном случае сочетается с лозунгом неонацистского лозунга White pride world wide («Белая гордость по всему миру») [21]*;*

- *черное солнце, нацистский символ, в контексте правой культуры символ ненависти;*
- *элемент германской нацистской формы с руной «одал». В некоторых руницеских символах зашифрованы отсылки к историческому периоду нацистской Германии;*
- *кровь-капля-крест, символика Ку-клукс клана (ККК), ультраправой расистской террористической организации, действующей в США.*

Рис. 20-21. Максим «Тесак» Марцинкевич, осужденный по экстремистским статьям.

Рис. 22-23. Изображения Дмитрия «Кислого» Боровикова, организатора Боевой террористической организации и Mad crowd, а также убийства Хуршеды Султоновой.

[21] Данный символ и лозунг являются экстремистскими.

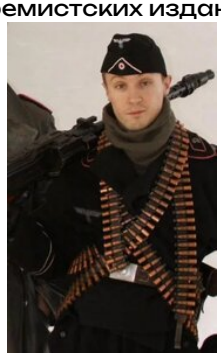
Рис. 24. Алексей «СВР» Воеводин, лидер неонацистской «Боевой террористической организации (БТО)».

Рис. 25. Николай Королев, (также известен как Ника́ла и 55-й) – русский радикальный националист, руководитель неонацистской террористической организации «СПАС», приговоренный к пожизненному лишению свободы за организацию и совершение ряда особо тяжких преступлений.

Рис. 26-27. Максим «Адольф» Базылев, Основатель и главный редактор журнала «Русская Воля», внесенным в список экстремистских изданий.

Скулшутеры:[22]

Рис. 28-29. Эрик Харрис и Дилан Клиболд (Колумбайн, 1999).

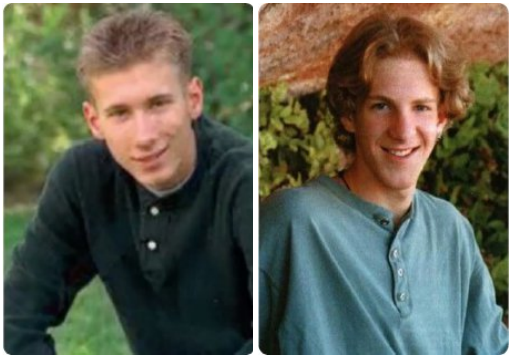

Рис. 30. Тимур Бекмансуров («пермский стрелок», 2021), примечателен не только тем, что, по сути, был студентом 1 курса, т.е. вчерашним школьником, но и отличился на российском пространстве мизантропическим манифестом.

[22] В данной теме мы намеренно отдали предпочтение не самым известным преступникам, так как в некоторых последних случаях нападений проявилась связь с ними.

Рис. 31. Бренда Спенсер – первая девочка-подросток, устроившая стрельбу в 1979 году. В дискурсе она важна не только как женский пример скулшутера, но и как символ «беспричинной» агрессии» и меланхолии.

Рис. 32. Чо Сын Хи, американский студент в 2007 г. совершил массовый расстрел в кампусе, в оставленных видеоматериалах открыто называл Харриса и Клиболда «мучениками».

Рис. 33. Адам Лэнза, 20-летний мужчина, совершивший 14 декабря 2012 года массовое убийство в начальной школе «Сэнди-Хук» (штат Коннектикут), предварительно убив свою мать. Его жертвами стали 26 человек, из которых 20 – дети в возрасте 6-7 лет. Лэнза целенаправленно изучал опыт предыдущих массовых убийц, в особенности Чо Сын Хи, и стремился превзойти их по числу жертв.

Рис. 34-35. Ильназ Галявиев, устроивший стрельбу в казанской школе в 2021 г.

Рис. 36-37. Тимофей Кулямов, напавший на школу в Одинцовском районе в 2025 г.

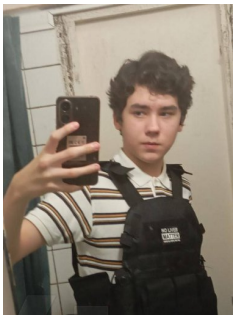
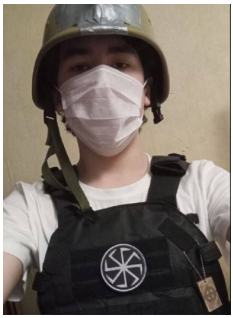

Рис. 38-39. Брентон Таррант, на вдохновение которым указывал Тимофей Кулямов.

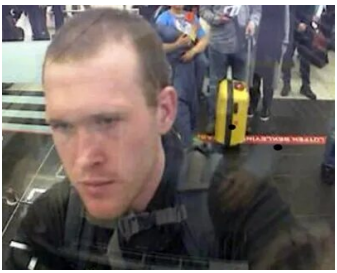

Рис. 40. Пример материала антифашистского радикалистского содержания с призывом к действиям в отношении праворадикалов, с отсылкой к фильму «Американская история X», имеющему прямое отношение к дискурсу.

Рис. 41. Пример материала, иронизирующего над применением насилия к оппонетам.

Рис. 42. Иронизация над действиями Тимофея К., совершившего нападение на школу в Одинцово.

Наши сообщества в сети Интернет

Группа ВКонтакте СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»

Группа ВКонтакте Учебно-методического центра

Официальный сайт СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»

Телеграм-канал СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»

Канал MAX СПб ГБУ«ГЦСП «КОНТАКТ»

Библиотека СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»

Правительство Санкт-Петербурга
Комитет по молодежной политике и взаимодействию
с общественными организациями

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение
«Городской центр социальных программ и профилактики
асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ»
196070, Санкт-Петербург, ул. Фрунзе д. 4

СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ТЕХНОЛОГИИ РАННЕГО ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛЬНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ

**Методическое пособие
для специалистов сферы молодежной политики**

Материалы подготовлены:
Санкт-Петербургское государственное бюджетное
учреждение «Городской центр социальных программ
и профилактики асоциальных явлений среди молодежи
«КОНТАКТ»

Авторы:
Варганова Валерия Валерьевна, Костюковский Яков Викторович,
Купрякова Вера Сергеевна, Лебедева Евгения Сергеевна,
Пилипкин Владислав Викторович, Фёдоров Артём Андреевич,
Шилова Виктория Артемовна, Штерн Александра Геннадьевна.

Рецензент:
Борисов Владимир Анатольевич

Подписано в печать
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Тираж 200 экз.
Заказ № 740
Отпечатано в типографии ООО «Союзкниг»
603024, г. Нижний Новгород, переулок Бойновский, д. 9